

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алена Остроухова

Апрель в Белграде

<https://litres.ru/55894966>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она любила классику. Любила старые фильмы. Любила сидеть на крыше по ночам и разглядывать Сербию как на ладони. Любила петь, но только не в школьном хоре Травкина, в который ее угораздило попасть.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Почему мы молчим?	4
La Bella Rosa	31
Он сумасшедший	51
Я не хочу петь	63
Красивая песня	87
Ларина, прием	111
Он меня взял	123
Ты что, влюбилась?	140
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Апрель в Белграде

Почему мы молчим?

— Я же сказала, что не могу дежурить! — наконец-то крыса, сбежавшая с корабля, повышает голос в спину Алены Лариной. Та очень медленно закрывает глаза и втягивает в себя воздух сквозь сжатые губы. Почти развернулась и ушла от этого балагана, но ее, по ощущениям, за шкуру, оттягивают обратно. — У меня хор. В чем проблема? Я буду дежурной на следующей неделе.

Одни и те же аргументы по кругу.

— А у меня контрольная по физике, — как юла, с легкостью разворачивается Ларина и разводит руками.

Сквозь запыленное окно их должно было успокоить солнце.

Они вдвоем стояли, будто на сцене, под светом прожектора. И если Камилла чувствует себя естественно в центре внимания, стоя напротив с гордо расправленными плечами, то Ларина уже второй раз пытается исчезнуть в толпе школьников.

Это была середина мая.

И его типичность разбивает типичная сцена, к которым Алена еще никак не привыкла. Она каждый год ходила по этим непрочным деревянным мостам и уже перестала смотреть под ноги; только в самом конце мост прогнул и затрещал, а Алене оставалось принять решение: держаться за поручни или бежать.

Кто угодно — да, но Алена не ссорится с людьми. Она вообще не умеет! Она может запнуться, использовать нелогичные аргументы или встать в идиотскую позу, которая не позволит воспринимать ее серьезно. Разборки, крики, прямые и косые гневные взгляды — не по Алениной части. Нужно позвонить Насте, очевидно, а у Насти сегодня было шесть уроков... Она давно спит в своей мягкой и теплой постели, пока на фоне шумит кондиционер и бубнят голоса из ноутбука. Вот бы сейчас лечь с ней, чтобы смотреть сериалы сутками напролет. Как прошлым летом.

Видите? Алена задумалась о летних ночевках у Насти, а не о происходящем перед ее глазами. А еще эти хрустящие наггетсы, разбросанные по одеялу... Она не умела спорить.

— Господи, потом сделаешь эту контрольную, — Камил-

ла так же закатывает глаза, отзеркаливая Алену, но потом быстро возвращает фокусировку взгляда. Беспощадно вонзается в соперницу. Камилла — профессиональный игрок.

Заядлая спорщица. Величайший враг учителей.

Знаете этих выскочек, которые не боятся говорить первое, что придет в голову? И спорить с учителями...

Алена боялась и сторонилась таких.

Они же безбашенные. Как она тут оказалась? Может, пора отмотать время и задуматься о неверных решениях?

Как она умудрилась стоять перед кабинетом философии и спорить с самой знаменитой спорщицей в классе? Некоторые слушают их, некоторые делают вид, что не слышат, а совершенно левые люди — внаглую косятся, когда проходят мимо. Короче, это было плохой идеей. Алена уже представила траекторию, по которой сбежит в туалет и спрячется в кабинке, пока из Камиллы не выйдет весь пар.

Нашла с кем спорить.

То же самое, что выйти на ринг с Тайсоном, а ты всю жизнь танцевал балет.

— Ну, и ты пропусти репетицию. Сходишь в следующий раз, — тихо произносит Алена, неудачно имитируя змеиное

шипение. Скрещивает руки на груди, как будто только что закончила реп батл и бросила на пол микрофон.

— Я не могу пропустить хор, — смертельно серьезно проносит Камилла.

— Ничего супер важного не случится без тебя, — а Алена чувствует, что вошла во вкус. Камилла перестает улыбаться, как только речь зашла про «пропустить репетицию».

Быстро сдулась, продолжаем!

Алена даже не запинается и не путает слова, как в тот раз, когда вместо «твои оценки» сказала «твои гренки», потому что спор с Миленой, насчет ее безалаберного отношения к школе, довел ее до покраснения и посинения одновременно. — И вообще — там никогда ничего жизненно важного не происходит. Вы сами говорили.

Аргумент железный, ведь они сами говорили.

Они сами возвращаются с репетиции, садятся на подоконники и начинают поливать всех участников хора грязью. Часто без причины. Часто — потому что чувствуют превосходство. Часто — это слышат все, но никого уже не интересуют чужие хобби, особенно когда на горизонте маячит поступление.

Школьный хор, ну... занимает свободное время. Повышает самооценку. Позволяет блеснуть в караоке.

И не только хористы говорили, что хор становится бесполезным, но и Алена думает, что хор — скука смертная. Все эти старинные песни на латыни, на русском, на сербском, которые постоянно доносятся из-за высоких, деревянных дверей в зал.

Всегда хотелось перекреститься и пробежать мимо.

Прям как сейчас, когда Алена смотрит на исчадия из этих дверей.

Она как бы случайно стреляет взглядом в еще двух хористок, которые гордо стоят за спиной Камиллы. Лучшие подруги. Миньоны. Собачки на привязи. Все эти популярные хористки держатся вместе, как будто они возомнили себя главными героинями американского сериала... А за ее собственной спиной — никого не было. Пустая скамейка. Поясницу продувает. Мария и Милена решили прогуляться до туалета.

Такой экшн пропускают.

— При чем тут это? Травкин убьет меня... — Камилла смотрит на Алену с отвращением, будто она только что съела

шоколад с майонезом.

Камилла сдает позиции, поэтому Алена передразнивает с поднятыми ладонями:

— У-у-у, прям убьет.

— ... а у тебя ничего не отвалится, если ты пропустишь,
— а теперь Камилла прищуривается так, будто к шоколаду и майонезу Алена добавляет перца, — физику.

Кстати, Камилла — отличница, но хор, который она ненавидит, всегда будет на первом месте.

И это противоречие вшито в каждого хориста белой ниткой.

— Я хочу ее написать контрольную. Представляешь?

«И вообще знаешь что? Знаешь, какая я дерзкая? Я прям возьму и скажу тебе в лицо: я хочу сделать контрольную по физике. Я крутая. Ну, что? Страшно?»

Сделай вид, что страшно, короче»

Будь тут Настя, она бы ударила свое лицо рукой, потому что лет в двенадцать она умела качественнее поливать людей грязью, чем это делает в свои восемнадцать Ларина. Ну, не злая она и не мстительная. Она не умела язвить и не хотела,

но иногда... *блять*, иногда это необходимо. Когда из тихой девочки ты превращаешься в коврик на входе, об который все вытирают ноги, хотелось укусить каждого за эти ноги.

Когда твое дежурство на следующей неделе, а Камилла пишет в групповой чат на фейсбуке:

«Ален, подежурь за меня завтра. У меня хор)»

«У меня контрольная по физике, не хочу пропускать))»

«Ну, пропусти)))»

«Попроси другого))))»

Так и началась неприязнь Камиллы и Алены, которые на протяжении трех лет друг друга не касались. Ни физически, ни даже пренебрежительными взглядами. Популярные и непопулярные друг с другом не сталкиваются, только если при таких вынужденных обстоятельствах. Можно ли было их избежать?

Алене нужно всего лишь согласиться, а не начинать апокалипсис.

Если бы в будущем Алене предложили воспользоваться машиной времени и сделать выбор снова, она бы с легкостью

согласилась заменить Камиллу.

Если бы она знала. Но она не знала.

В конце концов, она просто тихая, упрямая, занудливая девчонка. На любом уроке. Летние каникулы были спокойнее. Намного спокойнее.

В школе ухудшалась или возвращалась прежняя дрянь, которую Алена глотала, как ядовитую таблетку по утрам, и привыкала. Ничего не начиналось заново. Это вечный водопад дискомфорта, но Алена не считала гимназию обязательно и

исключительно плохой. Алена изучила каждого. И черное и белое. Ей нравилось знать людей и хранит информацию в сундуке, от которого только у нее есть ключ. И что? У каждого свои фетиши.

Камиллу она знала по бронзовой медали за популярность. По отличной успеваемости. По занятиям волейболом. По хору и хорошим отношениям с Травкиным. Так что ее аргумент «он меня убьет» — преувеличен.

Скорее всего, Камилла боялась разочаровать его или опуститься ниже двадцатого места в его списке важных хористов.

Хор здесь, типа, очень круто. Сказал, что ты в хоре, и сразу получил пропуск в популярные компании, в учительские, коробку никому не нужных слухов и приглашительные на дни рождения в дорогие клубы. Выгодно же?

Хор — единственный элитный кружок, в который берут только талантливых. Блатных там нет. Застенчивых там нет. Таким, как Алена, там делать нечего. В каждой школе есть один творческий, одинокий задрот, пишущий стихи, а здесь таких целые классы. *О, смотрите, я такая скромная и милая, смотрю вдаль и ловлю вдохновение.* Этот номер прошел бы в 2007. Сейчас в моду вошла популярность.

А хор делал людей популярными. Точнее, Травкин.

Она ни о ком не знала слишком много, как и остальные дети, но ей кажется, что хористы знают его лучше остальных. Возможность того, что она могла что-то не знать, раздражала. Создавала фоновый шум.

Краткая сводка в сундуке лежала, естественно.

Она знала, что он профессионал. Она видела сколько грамот за первые места хора в соревнованиях в Сербии, на Балканах, в Европе висело на стенах коридора. Она знала, как

серьезно относятся девочки-хористки к репетициям и как сбегают с уроков, чтобы распечатать ноты. Как не спят ночами. Как их словарный запас состоит из «хор», «ноты» и «Травкин».

Она этого не понимала, но теперь понимает.

Она знала, ему за тридцать и что он женат. Но это знали все. Неинтересно. Хочется нырнуть глубже...

Она знала, что с некоторыми учениками он в чересчур хороших отношениях, и это хорошее отношение выразалось тем, что он бьет конкретного человека журналом по голове, когда проходит мимо.

С некоторыми хористами он даже не здоровается.

Она знала, что он эмоциональный. Знала, что он один из тех *«я постоянно шушу, говорю не по-учительски, я крутой, но не наглейте»* типажей.

Она знала, хотя не говорила с ним на уроках. Вообще. Ни разу. Возможно, в начале учебы, в первом году, а потом затихла. И такая тихая она уже три года. Травкин ни в коем случае не особенный, нет. Она на любом уроке предпочитает промолчать. Ларина не поднимала руки ни на одном уроке,

просто потому что

любит делать все втихую: учить, интересоваться вещами, смотреть, писать стихи, делать домашку, делать контрольные.

Для молчания были разные причины. Почему она молчала?

На философии она молчала, потому что конкретного этого учителя обожали. Ему так наскучил его предмет, что он превратился в клоуна, и каждый урок начинал с того, что, например, наматывает шарф на голову или маркером напишет на лбу ученика «лох». Какая ирония. Алене такие вещи тоже наскучили. Такие учителя специально стараются быть смешными. Типаж *«я смешной, любите меня»*. С ними любят разговаривать все. Поэтому Алена не разговаривает.

На английском она молчала, потому что училка нудная. И если ты заговоришь с ней, она будет расспрашивать тебя минут двадцать и, не дай Бог, запомнит тебя: и станет спрашивать на постоянной основе. Типаж *«я строгая и консервативная, почему у вас не убраны волосы»*. Вариант прятаться за сумкой и делать вид, что что-то пишешь, работал безотказно.

Она не помнила, из-за чего молчала на музыке.

Если бы детективы допрашивали ее о Травкине, она бы попросила адвоката.

Травкин редко появлялся в гимназии. А когда он приходил, то вихрем проносился по коридору и исчезал. Иногда он орал на кого-то в зале и его было слышно с первого этажа. Иногда он приходил на урок с бумагами и разбирал их, пока ученики сидели в телефонах и шепотом болтали. Чаще всего он не приходил на уроки, потому что был занят хором, и вместо музыки у класса была дополнительная перемена в 45 минут.

В общем, все любили уроки музыки.

Повсюду существовали его следы в виде хористов и семнадцатого кабинета. В коридорах летали звуки его имени девчачьими голосами. Он был как школьный фантом, детская сказка на ночь, которой запугивают учеников. Травкин то, Травкин это, а на деле — его просто не было в гимназии.

На сегодняшнюю музыку он заходит в светло-голубой рубашке.

— Всем привет, — протягивает он, по-хозяйски садясь за свой стол и вздыхая, будто бы перед вкусным обедом. Ученики рассасываются по кабинету и садятся на места, кото-

рый каждый забронировал с начала учебы. Взгляд Травкина цепляется за первый ряд. — Ты покрасилась?

— Да, — игриво произносит Лена, покрутив головой, чтобы продемонстрировать укладку.

— Кошмар, — цокает он, словно комментирует подскочившие цены с бабой Светой по соседству. Открывает журнал.

Лена — хористка с первых парт, миньон крысы-Камиллы, с серебряной медалью популярности и в десятке важных в его списке. Будь у нее бумажка под рукой, она бы в него кинула. Игра, неуместный флирт, черт его знает. Они в хороших отношениях: может себе позволить.

И он позволял.

Все довольно ржут, особенно пацаны с задних парт. Алена сдержанно и незаметно улыбается, разглядывая свои ногти, и иногда поднимая взгляд к Травкину. Он попадает в ее поле зрения сквозь несколько затылков.

И не говорите, Дмитрий Владимирович, разговаривает она у себя в голове, Ей этот цвет вообще не идет.

Дмитрий Травкин не особо старался быть смешным: это

просто его манера разговаривать. Вести себя. Жить. Пытаться жить. Пытаться шутить, чтобы находить силы выжить. Кажется, Алене и правда нечего делать на уроках музыки.

Дальше, он пытался включить Моцарта на большом белом экране, или как это приспособление называли — умная доска. Экран работал только после чьих-то касаний. Травкину всегда было лень вставать и вежливо работать с экраном: если он и дотрагивался до него, то лениво и небрежно, будто бы он его друг, а тот его однажды предал. Когда он брякается на свой стул и закидывает ногу на ногу, он понимает, что не развернул «Реквием» на весь экран, а ему важно, чтобы ученики видели лица поющих и инструменты в оркестре. Спрашивать случайного ученика, что за инструмент на видео — его любимое дело.

Он хватает маленькую тетрадку со стола и бросает ее в дальний угол экрана. Тетрадка не заставила видео развернуться.

Алена не сдерживается и улыбается сильнее, сводя губы уточкой, чтобы не засмеяться.

— Никто не развернет, нет? — обращается он к смеющемуся классу. Тогда поднимается Лена, подтягивая кожаные штаны на свои тощие бедра, берет упавшую тетрадку, кладет

тетрадку обратно, и включает режим полного экрана. Конечно, Травкин не упускает момент замахнуться на нее тетрадкой, чтобы насладиться ее испуганным уворотом.

Когда Алена однажды сказала Марии и Милене о том, что он флиртует с каждой красивой девчонкой, они посмеялись. Никто не считал это флиртом. Просто его рутиной. Тогда Алена задумалась, почему *она* посчитала это флиртом, но быстро забыла и с тех пор — не вспоминала.

— Знаете, что Моцарт уже в четыре года играл на скрипке? — внезапно перебивает он музыку, которую Алена, не дыша, слушает, поглаживая пальцы. Травкин говорит о хоре. — А на пианино он мог сыграть композицию задом наперед.

Иногда он становился таким увлеченным своей работой. Алена не могла представить, каково это, потому что не поет.

Да и вообще — ничего ее так не увлекало.

— То есть, у него вообще не было детства? — усмехается высокий пацан с последних парт.

— Не в этом суть, — Дмитрий Владимирович устало, с полузакрытыми глазами поворачивается на стуле к классу и складывает руки так же, как это сделала Алена. Замком. Она

замечает его позу и смотрит на него, зная, что за тремя затылками он все равно не заметит, — я хочу сказать, что хор, оркестр, музыка, это сложно. Но если есть желание, можно делать что угодно.

Иногда он становился настоящим учителем, и не только музыки. Это завораживало. Иногда ей казалось, что он хочет преподавать предмет жизни, а не музыки. Он умный, настолько умный, что иногда хотелось отвернуться и дерзко усмехнуться в окно, не поверив. Он даже добрый, но такие качества в нем тяжело разглядеть, не посадив зрение.

Он вскидывает брови, убеждаясь, что лохматый Сергей с последней парты понимает посыл. Ученик якобы улыбается и перестает смотреть на Травкина, потому что потерял интерес к вопросу, ответу, и вообще — к Моцарту. По Травкину видно, что он бы продолжил тему. Глаза блестят, губы кривятся в попытках сформулировать новый вопрос или загадку...

— А Алена так не думает, — решительно прерывает его мыслительный процесс Камилла.

Чего? Кто это? Камилла...

Алене будто дают внезапный подзатыльник и она выпрям-

ляется. Вот это задница.

Только представьте, что всю жизнь вы провели по принципу «дом-школа-дом», всегда заноса сдачу продавщицам, придерживая соседям дверь в подъезде, фоткая домашки всем и вся, — короче, были тошнотворной доброй девочкой, чтобы в конце давно изученной дороги — вас столкнули вниз. А за спиной — лошадиный смех, смех, смех... низкий смех Камиллы, раздающийся эхом у Алены в голове.

Пока ты летишь, у тебя есть время подумать — почему.

У Алены не было времени думать. Она быстро отыскивает темно-коричневые волосы и впивается в них взглядом, представляя, как хватает их, наматывает на руку, и...

— Она сказала, что хор скучный. И что репетиции того не стоят. Травкин не даст ей жизни,

Ей стало слегка нехорошо. Желудок возвращает съеденное.

Камилла к тому же и наврала, преувеличила, но начинать перестрелку на уроке музыки не хотелось. Уже слишком громкая тишина и драматичный Реквием на фоне.

Глаза Лариной широко раскрыты, словно ими она пыталась придушить Камиллу, но ничего не получалось, потому

что ее глаза не злые, а дико напуганные. Она по инерции переводит взгляд на Травкина, но ей словно дают еще один подзатыльник, и она возвращает взгляд к ногтям. Его красивый профиль не для нее. Остается надеяться, что учитель не воспримет информацию слишком близко к сердцу.

Хотя, если верить слухам — сердца у него нет.

Дмитрий Владимирович присматривается к Камилле, пока та пожимает плечами, мол «так и было, я тут не при чем». Остальные начинают гудеть, как на стычке чернокожих в бедных районах Америки. Парни не состоят в хоре и не знают суть разговора, но попахивает конфликтом, а это уже повод достать невидимый попкорн. Мария и Милена по бокам не шевелятся. Лицо Лариной заливается краской, и она быстро дышит, готовая в любую секунду рвануть в коридор.

Нет, конечно не рванет. Глупости.

Травкин находит ее лицо через несколько секунд, заставляя уголки ее губ дернуться в нервной улыбке. Он поднимает брови, не может не улыбнуться с саркастическим оттенком, приоткрывая с интересом губы.

Пока она летит вниз, у Алены есть время задуматься, по-

чему он все еще помнит ее имя и помнит *ее*. Как связал фамилию в журнале с лицом? Спустя три года молчания.

— Скучный? — как вопрос не звучит. Скорее, как попытка спародировать Ларину; попытка воссоздать когда-то сказанное ею, но она так не говорила. Сказала что-то похожее, блять, зачем она вообще это тогда сказала. Как он вообще мог пародировать, если не знал ее голоса. А она знала его. Его голос не низкий. Он никогда не был низким. Он даже выше, чем у большинства мужчин. И он прямой, гладкий, гипнотизирующий; его голос хочется слушать в любой другой обстановке, но не сейчас, ладно? Ей даже нельзя закрыть глаза и осознать.

Приходится смотреть на него, ведь она культурная.

И он тоже дохера культурный.

В любой другой ситуации он бы сказал: «У каждого свое мнение, это нормально», но нет, нет. Это же его хор, его работа, и одно его, единственное правильное мнение.

Ответа ждут от Алены Лариной. Она не умеет врать. Не хочет врать. Реквием на фоне продолжает нагнетать обстановку.

— Ну, песни, — начинает она, сглатывая и улыбаясь туда-сюда по сторонам. Травкин внимательно слушает ее, и

она могла разглядеть нотки сарказма в его взгляде, но больше всего — недовольство и готовность прибить ее к стенке. Фигурально, она надеется. — Песни мне кажутся скучными, — она делает акцент на «мне», ведь каждый имеет право на свое мнение, так? Так? *Он же сам говорил.*

Она вызывает еще большее гудение в классе. Сначала было «о-о-о», но сейчас крики превратились в низкое «у-у-у». Травкин никогда не останавливает подобные реакции. У него на уроках свобода слова, вот даже сейчас, пожалуйста, так почему же он докопался?

Снова, он должен переспросить: «песни скучные?», но он не спрашивает. Молчит, незаметно улыбаясь и не сводя взгляда с Алены. Этот тот самый его ужасный взгляд, под которым хочется съехать под стол. Самый обычный, понимаете? Не суженные глаза, голова без наклона, ничего такого.

Обыкновенный взгляд и он посвящен только ей, а с улыбкой, его взгляд превращается в фразу... в какую-то фразу, в какое-то его личное осознание. Такое выражение лица появляется после хорошей, но старой шутки.

Тишины в классе больше нет.

Только между ними — тишина, и именно эта тишина давит на уши. Разве они не всегда молчали? Сейчас это молчание какое-то не случайное.

Да скажи ты что-нибудь, твою мать.

Он спокойно поднимается, и, как обычно, неаккуратно стучает согнутым пальцем по умной доске. Сворачивает видео обратно, закрывает ютуб, браузер, словно разочаровывается, но нет... Создает реальную тишину. Все-таки, он культурный и не станет давить на Ларину.

Очень смешная сказка. Конечно, станет.

Он вдоволь наулыбался. Разворачивается на пятках и сует руки в передние карманы.

— Жду тебя на прослушивании в следующем году.

От серьезности и твердости его голоса у Алены открывается рот.

— Что? — все вокруг умирают со смеху и от посвистываний. Ларина больше не поглаживает пальцы. Она вообще забывает, что у нее есть рабочие конечности.

— Не придешь — поставлю единицу за все четверти, — последнее слово он растягивает по слогам, и Алена проглатывает острый камень в горле, ожидая чьей-то поддержки со стороны, но ее нет. Этот голос и недовольный взгляд все-

гда предназначались для шумных учеников, которые его достали. Когда она успела насолить Травкину? Иногда он умел быть такой скотиной.

Он на нее упорно смотрит и дает понять, что симпатия отсутствует. И он не шутит.

Чудесно.

— В четвертом году нет музыки, — лихорадочно выдыхает она, прогуливаясь взглядом по спинам одноклассников. Третий год средней школы — одиннадцатый, по русским меркам, а в сербской гимназии учатся четыре, соответственно двенадцать классов.

Да как у нее вообще в горле еще есть силы разговаривать? Да еще и перечить ему?

Травкин не признает ошибки. Не дергается даже.

— Я придумаю, как поставить единицы по другим предметам, — тут же соображает он и садится обратно в свое кресло, согнувшись над столом.

Только не единица в начале года. А ведь он поставит. Он серьезно.

На лице Алены больше не было ни одной эмоции, которой бы Травкин мог насладиться.

— Что, если я не умею петь? — она опять прерывисто выдыхает, усмехается. Якобы ситуация забавная. Нет-нет, ничего тут нет забавного, Алена сейчас выйдет в туалет и повесится.

— Ну, — пожимает плечами кто-то с первого ряда, — хотя бы не будет скучно, — вставляет свои пять копеек Камилла, оглядываясь на Алену через плечо. Ее компания подружек фыркает и смеется в ладошку. Некоторые задние парты тоже ухахатываются. Дмитрий Владимирович переводит взгляд на Камиллу, как на привычный источник звука и даже не оценивает шутку любимки. Смотрит строго, равнодушно, заставляя Камилла опустить уголки рта вниз. Улыбку заглушает, и возвращает на выдохе взгляд к виновнице торжества. — Это я решаю, а не ты, — отвечает он вежливо Алене.

Так началось ее падение.

Если бы не Камилла Крылова, Алена бы продолжала изучать учителей и людей вокруг, и Дмитрия Владимировича, мило улыбаться себе и двум подружкам, иногда хватать золотой толстый ежедневник из рюкзака и записывать строчки, которые приходят в голову, а потом стесняться и не показывать. Как давно это было. Как она могла не ценить спокойствие? Скучную жизнь?

Надо было согласиться быть входным ковриком и подежурить...

Вечером она звонит Насте и начинает злиться, ненавидеть, мысленно душить Камиллу.

— Она просто взяла! — Алена активно жестикулирует, приседает, строит гримасы, гуляет по своей маленькой комнате. — И на весь класс сказала: «А Алена думает, что хор скучный», — ее голос превращается в гудящий низкий голос, которого у Камиллы не было. — Я никого еще так не ненавидела, — глубокий выдох.

— Я тоже ее терпеть не могу. И что Травкин?

И что Травкин? Алена еще тогда поняла, что ей сложно говорить на тему «и что Травкин?». Что у нее органы падают куда-то вниз под действием силы гравитации, стоит услышать его имя. Фамилию. Имя и отчество, как угодно. Ей сразу хотелось отмахнуться, как от назойливой мухи и выдохнуть эту дрянь из легких: воздух, с помощью которого она бы ответила на «и что Травкин?». Нет. Что-то было не так с этим предстоящим прослушиванием. Ее будто подставляют.

Сбрасывают с ее непрочного мостика. А каникулы успеш-

но просираются.

Сериалы и разбросанные чипсы на Алениной и Настиной кроватях. Немытые кружки из-под колы и чая на всех горизонтальных поверхностях в комнате. Иногда уезжали родители одной, иногда другой. Иногда Алена проводила время на гулянках с Марией и Миленой, чтобы социальные навыки не заржавели. Но

вчетвером они никогда не тусили, потому что Настя не любила этих сиамских близняшек.

Для Насти — они лицемерки. Для Алены — они способ не остаться в полном одиночестве, хотя она стремилась к нему и наслаждалась им. Она сама балансировала на границе лицемерия.

Каникулы проходят, как обычно, а значит — по двум правилам:

Никаких разговоров о школе.

Ложиться спать после четырех утра.

Иногда Алена падала лицом в подушку и говорила что-то Насте про Травкина, про хор и прослушивание, а Настя сидела рядом и говорила что-то типа:

«научимся основам, это не страшно», либо «хватит ныть».

И иногда Алена решительно отказывалась. Иногда она заваливалась вечером в квартиру Насти и с порога говорила: «Давай, буду петь».

А потом опять лицо в подушке...

Двадцать девятого августа Алена и Настя не говорят о школе. Смотрят «Glee» с красными глазами, кто в какой позе: сначала они обе лежали на спине, а ноутбук лежал на животе Насти. Потом у Алены. Потом шея начала отваливаться, и они легли на живот, но в такой позе шея начинает отваливаться быстрее. Через три с половиной часа ноутбук начать лежать на краю кровати, Настя — на боку подпирает голову рукой; Алена — на спине, закинув ноги на стенку и нарушая правило номер два, по которому засыпать раньше четырех — предательство.

Алена любит слушать Настю, о чем бы она ни говорила, поэтому не засыпает окончательно. До нее доносятся отрывки ее рассуждений.

— Вот эту песню я обожаю.

— Пипец, ты посмотри на эту радужную рубашку.

— Ах, это песня. Я знаю ее наизусть.

— А эту так и не выучила, прикинь?

— Мы в хоре не поем такие песни.

Мы в хоре не поем такие песни.

Алена медленно начинает хлопать ресницами, посмотрев в горящий экран и ничего не увидев, кроме своего позора через неделю. Внезапным молчанием она привлекает внимание Насти. Этот глубокий и двусмысленный взгляд заставит волноваться кого-угодно.

Руки ударяются об лицо, как две лепешки, приземлившись на пол.

— Твою мать, — приглушенно звучит со стороны Лариной, как будто она кашу с утра не прожевала.

— Что? — спокойно спрашивает Настя, больше не крутя взглядом от экрана к Алене: теперь взгляд изучает только две руки в темноте. Сериал поставлен на паузу. В тишине — только тяжелое дыхание Алены.

Так ощущается паническая атака?

Так сломались ее розовые очки, в которых она проходила все лето. У нее есть неделя, чтобы довести свое пение до совершенства.

La Bella Rosa

У вас бывает это дурацкое веселое настроение, когда ты радуешься даже школе? Вот и у меня — нет.

Она стоит и смотрит а на образовавшийся муравейник уставшими глазами и с приспущенной челюстью. Как на кашку, которую ей предстоит съесть за деньги. Ее деньги в этом случае — начало учебного года без плохих оценок.

Алена — неисправимый ботаник, а она каждый день пытается не быть такой зубрилой и постоянно, постоянно пытается не беспокоиться и не нервничать из-за каких-то уроков.

Но тут прослушивание. Как не понервничаешь? Если бы она стояла спокойная и уверенная в себе, где-нибудь в глубине зала загрузил бы один Травкин. Жалко, что она не может его разочаровать. Она ведет себя именно так, как он хотел.

— Три минуты и все, — слышится веселый и бодрящий голос Насти где-то сбоку. У Алены голова начинает трещать сильнее...

Если бы Настя сказала, что сама не волнуется — она бы

соврала, но ее волнение Алене не поможет. Тогда бы они вместе молча, в гробовой тишине, стояли и ждали неизбежной казни.

И так достаточно депрессивно.

— Три минуты? — пищит Алена и морщится, сильно закрывая глаза.

— Ну, или три с половиной, я не знаю, — отмахивается подруга, со скрещенными руками наблюдая за движением толпы. Ее прослушивание проходило в такой же напряженной обстановке четыре года назад.

Конечно, Настя Симонова в хоре с первого года. Так и делают нормальные люди: они умеют петь, они идут в хор; либо они умеют чуть-чуть петь, а в хоре их навык развивается, или типа того. Во втором, третьем и четвертом году пойти на прослушивание можно, но типа... Где ты был в первом году, идиот? Про список важности Ларина не была уверена: по рассказам и по ее молчанию, Ларина думала, что Насти даже нет в списке. А иногда казалось, что Настя в десятке лучших.

Слухи о ней не ходят, как будто в хоре она пела изгоем. Не состояла в кружке популярных девочек. Но что думает о

ней Травкин? *Травкин-Травкин-Травкин?* Не важно, что там думает Травкин.

Важно, намылит ли веревку Ларина сегодня или выберет день почернее?

— Ну, иди, — легко в лопатку толкает ее Настя, заметив, что толпа рассасывается.

Чем быстрее, тем быстрее. Логично же.

Да еще как рассасывается! У дверей стоят эмоциональные девчонки, даже мальчики, которые трясут руками, вздыхают, либо вообще спокойно стоят, как на кассе в супермаркете, но все выходили мертвые, выжатые, будто Травкин в зале приказывал ложиться на пол, а сам садился за ледовой комбайн и ездил по овощам туда-сюда.

Либо он дементор под прикрытием.

— Что он там с ними делает? — все еще стоит в стороне Алена, несмотря на то, что осталось четыре человека у громадных деревянных дверей. Она то и дело наклоняется и поднимается на носочки, чтобы увидеть какой-нибудь хороший знак в щели открывающихся дверей, но кроме светло-желтой стены она ничего не видела.

— Трахает?

— Что? — взвизгивает Алена и быстро оборачивается по сторонам, но все вокруг были заняты разговорами со своим друзьями, или поглощением информации из светящихся смартфонов. — Даже мальчиков? — наклоняется она с шепотом к уху Насти.

— Вряд ли. Слишком нагло он смотрит на девочек, — Настя сжимает губы в линию, чтобы не заржать.

— Уйди отсюда уже, пожалуйста, — Алена резко подносит два пальца к вискам и начинает их тереть. — И так на биологию опаздываешь.

— Удачи-и-и, — красиво пропевает Настя: будто специально, и машет на прощанье ручкой.

Ее рыжие локоны исчезают в толпе коридора.

Уже через секунду настроение включает шестую скорость, и Алене хочется побежать за Настей. Сдаться. Расплакаться в конце-концов. Попросить поддержать ее за руку, пока сама будет пытаться издавать не ужасные звуки.

Но Алена лишь утешительно обнимает себя и напоследок

оборачивается.

Медленно подходит к заветным дверям, будто мимо прогуливалась, и совсем случайно набрела на них, останавливается. Она слышит за ними клавиши.

Музыка льется красивая, хотя она в ней ничего не понимает. Слышит отрывки чьего-то голоса. Прислушивается, но тут же одергивает себя и вздыхает, осматривая старинную гимназию, словно бы впервые.

Родители, которые редко сюда приходят, всегда с открытыми ртами осматривают мраморные лестницы с чистыми красными коврами и высокими потолками, но ученики так давно не делают. Привыкнешь к чему угодно: даже к тому, что в начале пути считалось привилегией. Как тут не подумать про Хогвартс и его темные коридоры с говорящими картинами, но здесь, к сожалению, картины не говорили. Зато везде камеры, которые говорили четче, и еще картинку показывали. В правом коридоре — семнадцать кабинет, поэтому Алена отворачивается. В конце левого коридора — учительская с лестницей к библиотеке, в которой Алена никогда не была, ведь она учительская, ало.

Застекленные кубки, медали, грамоты. Директор школы всегда ездил по

важным директорским делам, а когда ученики видели его в коридорах, вжимались в стенку. И Макгонагалл своя тоже

имелась, училка по сербскому, которая вечно ходила с недовольным лицом, будто кто-то где-то с утра напакостил, и являлась правой рукой директора. И Травкин, как Снейп. Придет, нагавкает, и исчезнет, драматично махнув плащом.

Или дирижерской палочкой.

Травкин любил просто драматично разворачиваться и красиво уходить.

За Аленой рисуется еще одна группа девочек, напоминая о происходящем. Ей становится хуже. Так много людей, которые действительно хотят петь. И только одна, которая боится плохой оценки. Или лучше сказать, боится Травкина.

Дверь открывается, и из зала выходит высокий мальчик, при виде которого Алена сглатывает пульсирующий страх. Выходит гордо, поправляет воротник рубашки, и уходит. Алена ловит дверь, которая норовила вот-вот закрыться.

Ее очередь блистать.

Внутри — еще с десятков человек. Все-таки заходят они не по одному. Ужас какой-то. Еще и при всех петь.

Он стоит рядом с кучерявым парнем и вместе с ним пя-

лится в ноутбук. Ах, этот Травкин вообще не меняется. Всегда в рубашках, джинсах или брюках, в красивых ботинках. Всегда взъерошенные, темные волосы, будто бы на улице дует невообразимый ветер, заменяя Травкину знаменитого стилиста. Волосы не уложены, но почему-то — выглядят естественно, по задумке создателя. Наверно, все-таки, это его лень расчесываться по утрам, а не ветер. Он красивый, пусть это и банально. Пусть даже его красивая внешность — банальная. Темные глаза, загорелая кожа, выразительная челюсть, до которой хотелось дотронуться и провести пальцем по длине всей линии. Волосы тоже хотелось потрогать.

Интересно.

Никто никогда не говорил, что он красивый, и Алена считает это странным, ведь про других молодых учителей триндели без стыда. А он... наверно, был слишком раздражительной душнилой, чтобы его красоту заметили подростки.

Алена некоторое время стоит в ступоре на пороге и поправляет желтую кофту за все края, за которые только можно. Неугомонный взгляд бежит по нему и сканирует.

Привычка изучить, прежде чем ты получишь неожиданный удар в спину. Привычка изучать его, потому что сейчас — самое время.

Зал огромный. Слева — красные бархатные стулья, а справа — много свободного места и хоровой станок. Обычно здесь проводят концерты, презентации, прикатывают телевизор из соседнего кабинета, или это место занимает оркестр. В общем, свободное место не было свободным местом, а сейчас — здесь именно пусто. Рабочий, синтезатор на ножках используется регулярно, и сейчас — он главный инструмент в прослушивании. Стоит рядом с роялем. Блестящий рояль всегда стоит посередине у стены, а рядом стол для разного барахла. На столе

стоит тот ноутбук, за которым что-то клацает мальчишка в очках Поттера. Вечно тут что-то происходит.

А другой парень сидит на хоровом станке и тихо настраивает гитару, перебирает струны, незаинтересованный в прослушивании. Блатные хористы? А может, не надо думать о всякой фигне и сконцентрироваться на одной?

Алена делает достаточно уверенные, но маленькие шаги по направлению к ближайшему стулу, и попутно стягивает рюкзак с плеч. Дмитрий Владимирович не замечает ее, потому что не поворачивает голову в сторону нервно движущегося пятна.

Он работает. Поправляет ноты, сидя за синтезатором.

— Нервничаешь? — спокойно, навеселе спрашивает дру-

гую девочку, которая стоит, вся съежившись перед ним.

Она несколько нервных раз кивает головой.

— А я нет, — цокает он и возносит пальцы над клавишами, словно вот-вот грянет гром. — Поехали.

И она поет довольно высоко: и как ей только не холодно на вершине? Лариной холодно всегда, но до вершин она никогда не добиралась. Не пела. Звучит, вроде, круто. *Это ваше пение.* У Алены внутри течет лава, наматывает девятый круг в желудке. Отвратительно.

— Следующий. Давайте-давайте, — командует он лениво, пока девочка записывает свое имя и фамилию на бумажке, которая красовалась на столе рядом. Мальчик за ноутбуком не обращает внимания. Зал молчит. Не шевелится. Алена тоже надеется, что сливается с красным стулом (в желтой кофте, дура). — Ну, тогда расходимся по домам, раз никто не хочет.

Не охота разочаровывать Травкина еще раз.

Алена отрывает себя с кожей и мясом от стула. Оставляет рюкзак. И свою гордость. Идет в одиночестве. А разве могло быть иначе? Ну что за дикий ужас она испытывает внутри,

но не показывает снаружи?

— Какие люди, — отстранено тянет он в своей пьяной манере, вернув уже не такой внимательный взгляд к бумажке с новыми именами в списке. Потом на ноты. — Ларина, — произносит он ее фамилию, словно улавливает ее следы в нотах, но нет. Он вспоминает. — Зачем пришла?

— Здравствуйте, — непослушные руки не находят себе места, и она прячет их в задние карманы джинс. — Вы просили.

— Руки из карманов.

Отмена миссии. Она быстро их оттуда вынимает, как будто джинсы бьются током.

Непривычно говорить с ним так, будто бы она давно его хористка и они

разговаривают так с первого года. Вовсе нет. Травкин никогда не произносил ее фамилию просто так: только, когда раздавал проверенные тесты по музыке.

Даже не шутил. Просто фамилия. А когда доходил до Камиллы или ее Ленки, то не мог нагло не улыбнуться. А ей? Он ей нагло улыбнется? Пока нет.

Надеюсь, нет.

— Как каникулы? — выдыхает, пролистывая бумажки с нотами перед ним. Опять эта интонация в голосе, будто бы он вел поверхностную беседу с соседкой про нового мэра Белграда, которого никто не любит.

Неудивительно. Алена тоже только два дня назад вспомнила про мероприятие в хоровом зале. Взаимное равнодушие. Хоть что-то у них взаимно.

— Быстро, — кивает Алена в замедленной съемке и рассматривает потолки, лишь бы не его незаинтересованное лицо.

— И не говори, — он жалобно цокает, моментально забывает смол талк, в глазах загораются огоньки, а пальцы... пальцы многообещающе возносятся над клавишами. — Поехали, повторяй за мной.

Несмотря на резкое движение вниз, он касается клавиш и заставляет Ларину замереть. Проглотить язык. Гром. Нет, она слышала, как играла на пианино Настя, и вообще, будучи маленькой посещала концерты, но она не знала, что он способен аккуратно дотрагиваться до клавиш и создавать музыку из воздуха. Ей кажется - что музыки до Травкина не

существовала, и что... оживает она только по его правилам. Странно, мелодия льется шелковая. От его лица веет хард роком, а не классикой. Ему ведь всегда лень делать что-то аккуратно. Он любил сделать быстро, отвязаться и забыть, но...

...видимо, Алена никогда не была на его концертах и не знала, что к инструментам он относится, как к родной матери. Это странно. Жесть, как противоречиво. Это как слышать в пиканьи микроволновки симфонию.

Он не смотрит ни на ноты, ни на синтезатор, потому что знает их наизусть. Смотрит на нее. Алену не знает, и она никогда не узнает, что ему интересно.

Когда Ларина возвращается из астрала и поднимает ослепленный взгляд к учителю, то тот резко приподнимает брови, мол *«я что тут, до вечера играть буду?»*. Она торопливо моргает и вспоминает, что слышала последнее: он спел обычную распевку, а теперь терпеливо ждет повторения.

Обычное ла-ла-ла, и с каждым разом все выше и выше. Так она и начала.

— Громче, — кричит он поперх и так громких клавиш, не переставая на них нажимать.

Гром грохочет не после их нажатия, а после его голоса.

У нее сердце опять падает камнем вниз, но Алена становится ла-ла-лакать громче, когда она устремляет напористый взгляд куда-то вдаль, куда-то туда, пробивая стены и не видя перед собой знакомого лица. Хоть бы он не взял ее в хор, чтобы Алена смогла забыть про Травкина, и снова узнавать его только в отрывках чьих-то разговорах. Делать вид, что неинтересно, и не обращать внимания, как обычно, как обычно... Верните ее *как обычно* назад.

Мучение прерываются резко.

Он небрежно ударяет по клавишам, и раздается ужасный, продолжительный писк. Губы прикусывает и сжимает; смотрит вперед, наверно, в ожидании, когда утихнет последнее эхо. В зале? Или в ее голове? Потому что Алена могла поклясться, что будет слышать этот отвратительный звук клавиш в своих кошмарах.

— Миш, иди сюда, — взглядом Травкин подзывает парня со скрипкой, который все время отсиживался на хоровом станке, к себе. Слишком торопливо, слишком непонятно тихим голосом для Алены, так что она больно сглатывает, ощущая слабость в руках и гудение в затылке. Миша оставляет скрипку на хоровом станке, но забывает оставить смычок, и

быстрыми шагами осиливает пять метров за пять секунд, так как сам Травкин задал темп. Дмитрий Владимирович встает рядом и складывает руки на груди, одной рукой все же задумчиво касаясь подбородка. — Сыграй «La Bella Rosa».

Тот садится на его место, за секунду осознав, что от него требуется, кладет смычок на пол, и кивает, как оловянный солдатик. Привык исполнять приказы Травкина бесприкословно. Подносит напряженные, как струны, тонкие пальцы к клавишам, оставив их дрожать в миллиметре.

— Что это? — не сдерживается Алена, будто он вот-вот убьет ее, а весь зал начнет заливаться смехом. Он должен прямо сейчас подарить ей хорошую причину не заплакать.

— Ла-ла-ла, только La Bella Rosa, — он смотрит на парня, будто он тут важная фигура, а не какая-то девчонка на прослушивании. Будто они тут вместе тестируют новое поющее изобретение. — Пой.

М, чудненько, твою мать. Если хотели меня убить, могли бы так и сказать. Могли бы проехаться по мне уже своим ледяным комбайном, без предварительных игр.

Пианино звучит так же красиво даже без Травкина. Теперь он стоит, а Алена так же поет. Теперь у него есть все

внимание этого мира и он направляет его в Алену.

Он не модельного телосложения и никогда не был. У него не двухметровый рост, но на метр восемьдесят пять сойдет. Достаточно высокий для Алены; встав она рядом, она бы уткнулась ему в шею.

Его пальцы все еще скользят в раздумьях по сжатым губам. Он осматривает ее всю, как на показе мод: гуляет взглядом по плечам, общупывает, цепляется за линию челюсти, ее слегка дрожащие пальцы, которые то и дело сгибаются в кулаки и распрямляются. Ее ладони холодные и потные, если ему интересно.

А ему интересно. У него прямо на лбу написано: «мне интересно, пой». Но это был холодный и отчужденный интерес.

Это был их немой разговор и даже не взглядами, ведь они не встречаются

взглядами. Как хорошо, что не встречаются. Это его личный разговор с собой, ведь он не заглядывает ей в глаза. Это, возможно, его собственная тишина с собой, издевательская в некоторой мере, потому что по его лицу — невозможно понять, кто он такой и что он от тебя хочет.

У Алены сейчас лоб от напряжения отвалится. Даже не от

пения. Как ни странно, петь ей было не тяжело: ей было тяжело стоять перед ним и ощущать... его молчаливое, ничем не объяснимое любопытство.

Ей сложно держать его взгляд на себе. Хочется одеться потеплее, а за окном всего лишь сентябрь. Она не привыкла. Он не преподавал терпение своих взглядов.

Пожалуйста, заткнитесь, хочется шикнуть на него, но... Травкин молчит.

Бросает короткий, беглый взгляд на ледяную статую и, слава Богу, он в этот момент рассматривает ее скованные плечи. Алену еще раз бьет током, и этот разряд доносит ей дурацкую мысль: «Боже, какой красивый», после чего она с позором возвращает взгляд к стенам. Может, он раздевает ее у себя голове? Ну, чтобы проверить работу диафрагмы? *Нет. Это твоя идиотская фантазия.* Может, осанка и поза были важны в пении? Скорее всего.

Но почему-то она чувствовала себя голой. И ей было очень, очень жарко.

Нужно немедленно раздеться и одеться одновременно.

Ей нужно было подышать воздухом, как минимум. В этом зале он отсутствует: всю жизнь из каждого смертного высо-

сал Травкин.

И, пожалуйста, перестань смотреть на меня. То есть, перестаньте.

— Это все, — внезапно отрезает он музыку и ждет, когда парень оторвется от синтезатора, чтобы вернуться к бумажке на столе. — Спасибо.

А сейчас, его интерес пропадает, и он ничему не удивляется. словно такие разочарования постоянно происходят, а он привык разочаровываться. Зато она удивляется, застыв с приоткрытым ртом. Ей же нечем его разочаровывать. Она ему не какая-то потенциальная певица, окей? *Ты даже не посмотришь на меня?* А ей что, хочется? Ее вдруг задел за живое ледяной ветер, который дует рядом с ним. Он для нее тоже — никто, но почему-то ей плохо еще с середины мая.

Или с первого года гимназии.

Когда Ларина набрасывает рюкзак на плечи и почти бегом исчезает в коридоре, она понимает.

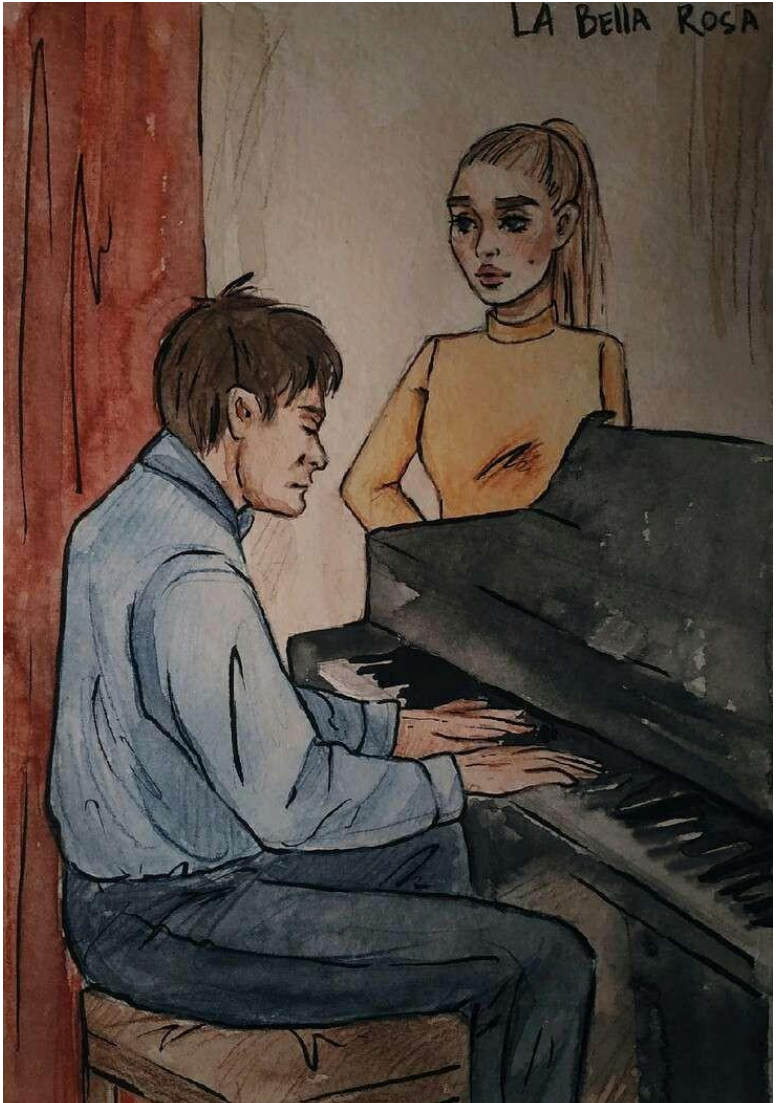
Понимает и Камиллу, и Лену, и Настю... вспоминает все *«такой мудила»*, *«лицемерная свинья»*, *«он любит только красивых и попу-*

лярных», «застенчивых он давит, как тараканов». Она слушала и не понимала, откладывая эти знания на дальние полки. Слова о нем ничего не значат, пока он сам не подойдет и не выльет на голову ведро с холодной водой, и еще посмотрит так, мол, «а ты что, ждала конфетти?».

Действительно, чего она хотела? У нее сердце разрывало грудную клетку. По крайней мере, музыки в четвертом году нет.

Больше никакого Травкина.

LA BELLA ROSA

Он сумасшедший

— Я пела, как идиотка, ладно?

Сербия — это вечно зеленое место, где ты не успеваешь насладиться закатом. Солнце слишком быстро опускается за горизонт. Можно найти хорошую точку обзора, сесть и наблюдать, как долька яичницы уменьшается с каждой секундой. Сербия — именно дом. Понятное дело, что это страна на юге Балкан без выхода на море, с кучей смешных для нас слов и имен, но... когда Алена приехала сюда, ей показалось это «новым домом» и кажется до сих пор.

— А он... он еще выпендривался, знаешь?

За окном автобуса мелькают домики, а за ними — мелькает остаток солнца. Небо вокруг него огненное, а дальше — сероватое. Взгляд устало держится в одной точке, ловя драгоценные секунды заката. Опять. Она привыкла к Сербии и забыла, каково это находиться в «другом доме».

— Типа, пой громче и вообще, спой мне Уитни Хьюстон. Это точно ее место и многих других, кто переехал.

Здесь всегда приятная тишина в любое время и в любом

месте. Ночью, вечером, после закатов здесь тихо, и такая атмосфера позволяет гулять до рассвета, до первых машин на красных светофорах и открывающихся магазинов.

Блаженство и спокойствие.

Русская гимназия была маленьким островком в маленькой Сербии.

— Уитни Хьюстон? — разворачивается удивленно Настя, с долькой ананаса в зубах.

— Ну, не Уитни Хьюстон, — отмахивается Алена, прижимая к груди одну коленку, которую держит на стуле. Шумно вздыхает, закрывая глаза. — Но мне было плохо, пока я там стояла.

— Он умеет вводить в депрессию, — Настя с наклоном головы соглашается, продолжая стоять с ножом, набитыми щеками, и заниматься нарезкой ананаса.

— И ла белла роса эта дурацкая. Что это вообще?

Алена замолкает, снова тяжело вздохнув и опустив лоб на задранную коленку. Прослушивание — слишком стрессовое событие. Выходящее из ряда вон скучной и непримечатель-

ной жизни Лариной, которая сделала ноль — как ей казалось — ноль попыток выбесить Травкина или что-то в этом роде. Он обычно не любил таких.

Раздражителей...

— Фто ты скавала? — ананасы успешно выплевываются в тарелку на столе. Как оказалось, Настя уже уселась за стол напротив подруги. Голова Алены сонно приподнимается. — «La Bella Rosa»? — ее произношение намного лучше, но

Алене легче от осознания не становится. — Он заставил тебя спеть «La Bella Rosa»?

Действительно ли он заставил ее спеть? Алена уже ни в чем не уверена. Жизнь стала похода на одну большую, реалистичную галлюцинацию. Лучше бы вся учеба в гимназии ей просто приснилась, а завтра — она проснется десятилетним ребенком, который уезжает в «новый дом» и ни о чем не подозревает.

— Да?.. — звучит тоненько и неуверенно.

Настя с вылупленными глазами прожевывает остатки фрукта, будто бы вкус ананаса ее поразил. Сглатывает и молчит.

— Это что-то значит? — Алене все же интересно, но голос остается тихим. Настя возвращается к фруктам с задумчивым блеском в глазах.

— «La Bella Rosa» считается у него высшим классом, — Настя Симонова приводит мысли в порядок, буквы превращает в предложения, а рыжую прядь заправляет за ухо. — Он заставляет петь эту распевку самых сильных. Это внутренка хора.

Глаза Лариной вновь медленно закрываются, с неким осознанием поражения, но голова больше не падает безжизненно на коленку. Ее ноздри заметно расширяются от учащенного дыхания. Осознание хватает ледяными руками за шею.

Она вскакивает на ноги, захватив с собой кусочек ананаса с тарелки.

— Ничего не понимаю, — что-то в этом всем ее дико бесило, но она не могла понять — что.

Загвоздка. Интрига. Его собственная интрига, и только его, которую он написал себе где-то в записную книжку и теперь ходит довольный, зная, что вводит в заблуждение всех, с кем взаимодействует. Он постоянно что-то недосказывает, но при этом выглядит так естественно, будто не делает это нарочно. Как он мог разувериться в чем-то и сразу на следу-

ющий день — заставить поверить в ту самую вещь? Травкин даже дышал лицемерно и выучено. Даже его импровизации выглядели профессиональными заготовками, будто бы он бесстрашный и непробиваемый, а если и кто-то собирается давить — это он. Он всех раздавит.

У Алены кипят мозги. Он занял слишком много места на ее полках в голове. Но сейчас она заедает навязчивые мысли ананасом.

Настя застывает с открытым ртом и поднятым указательным пальцем.

— Ну-ка напой. La Bella Rosa, — она торопливо начинает жестикулировать рукой. Вдруг Алена и правда стала гениальным вокалистом за ночь, а все вокруг удивляются.

На самом деле, ей не хотелось, и она усмехается, вспоминая лицо Дмитрия Владимировича. То, как он попросил ее спеть... точнее, он не просил ее петь — он попросил другого парня сыграть, ожидая, что певица сама поймет следующие действия. Настолько он равнодушен. Некрасивый писк клавиш не по нотам — все еще гудит в ушах, но Алена задумывается. Настя не враг, ладно. Она хочет помочь.

Быстро прожеживает ананас, с трудом сглатывая. Встря-

хивает головой и делает самое ленивое лицо, какое только смогла выжать. Такое лицо она делала в детстве, когда мама заставляла убираться в комнате. Ну, или просто заправить кровать.

Начинает.

Ларина поет очень торопливо и, как говорится, на отъебись. Настя кивает в такт головой, но не успевает: подруга спешит и фальшивит. Смотрит в стену мимо подруги, сбегая от реакции.

На, получи и распишись. И отстань.

— Нормально.

— Он сумасшедший, — обреченно выдыхает Алена, расценив ответ Насти, как «свинья красивее кричит».

— Ты сейчас специально налажала, Ален. Узнаешь, короче, на неделе результаты, — повышает голос Настя, используя его как самозащиту на психозы Алены, но продолжая оперативненько кушать. — Он вывесит список в понедельник и посмотришь, — взгляд Лариной снова опускается в пол. И так понятно, что в хор не возьмет.

— Ладно, — Алена бросает взгляд на настенные часы. — Я к стоматологу.

— Иди.

Так Алена и уехала в закат к стоматологу на автобусе. Дороги, по которым ездил пятый автобус, были ровными, поэтому прислониться головой к окну было безболезненным занятием. Главное не думать, насколько оно грязное.

И чем заляпанное.

Стоматолог не был срочным. Зубы не болели и не отваливались, но почему бы не посверлить лишний кариес. Особенно, если мама заставила пойти!

Алене не хотелось, чтобы маленькая проблема превращалась в большую. И она надеется, что речь идет только о зубах.

Алена ждет, когда автобус затормозит и откроются двери. В мыслях вертелась сцена из «Сверхъестественного», в которой стоматолог просверлил пациента до смерти. Страхи перед ним оправданы, ведь ни один врач не долбит железякой твои кости, а ты лежишь и слушаешь радио. А если уж совсем край — орешь. И слушаешь радио.

А потом ты едешь домой, как ни в чем не бывало. Дикость какая-то. Хотя розовый интерьерчик у них милый. И стулья в цветочках вокруг журнального столика с огромной тарелкой конфет убаюкивал. Кто бы не обставлял клинику, у него хорошее чувство юмора.

— Можете подняться к доктору, — вежливо приглашает пухленькая брюнетка, чей бейджик Алена не успела рассмотреть, хотя ей было интересно. Анализ не должен прекращаться. Сундук знаний должен заполняться. Алена коротко и сухо улыбается, огибая стол, за которым начинается узкая лестница на второй этаж. Топают наверх, перескакивая ступеньки и не чувствуя этого внушительного отвратительного запаха горелой кости. Лет в пять, когда ее мама водила к стоматологу еще в России, на пороге можно было ощутить запах ужаса и сбежать.

Сербия заботливо лечит травмы, даже не стараясь. А Алена мазохист.

Раз пришла к стоматологу. Два белых... три белых халата стояли к ней спинами. Шушукались. Очевидно, здесь главный стоматолог и две ее ассистентки. Алене пришлось застыть, так и не сняв до конца зеленую куртку, потому что ее никто не заметил.

Две ассистентки усердно пишут что-то на белой, длинной

стойке, пока главная — стоит рядом и бдит над ними с маленькой чашкой кофе.

Я тут типа буду дальше стоять, или мне просто сесть и приказать вам всем сверлить зубы или...

— Здравствуйте, — стоматолог замечает ее, когда подносит чашку к губам, но быстро откладывает ее на подоконник. Алену отмораживает, и она наконец-то снимает куртку, вешая ее на попавшийся на глаза настенный крючок. — Елена.

Молодая, черные волосы. Алена бы дала двадцать девять. Ну, тридцать максимум. Замужем? Мимолетный анализ запускается в глазах. Алена пытается поймать взглядом ее кольцо, пока она готовит инструменты. Нет, никакого блеска на пальце не видно.

В Сербию понаехало слишком много русских за последних десять лет, но сербы по прежнему играли важную роль в своей стране, как например — лечили зубы. Она сербка. Говорить тоже приходится на сербском: и ровно до тех пор, пока не узнают имя Лариной, не поймут, что она русская.

— Алена, — она научилась произносить свое имя четко, чтобы не переспрашивали.

— Русская?

— Приехали семь лет назад, — заученная фраза.

Правда, каждый год цифра увеличивается, невероятно, но факт.

— Вообще нет акцента, — она искренне восхищается, обращаясь к двум девушкам через плечо, которые неловко стоят и наблюдают, как миньоны. — Садись.

У них еще и кресла розовые. Хотят притупить настороженность и страх пациентов. Не выйдет, но да ладно. Это все равно мило.

Эта Елена любила болтать и смеяться над глупостями. Сначала Алене

показалось, что она промахнется ее разными сверлилками, но она не промахивалась, и даже успевала болтать про какую-то фигию... которую Алена, естественно, слушала. Во-первых, ее мания изучения, и во-вторых — скучно. Она слышала тихий разговор про какую-то мазь, которую одна дала другой. Про какие-то новые препараты в области стоматологии. Про мужа Елены, который постоянно на работе, а дома — спит. *Странно, кольца у нее нет. Может, сняла из-за работы? Логичное заключение.* Разговоры про девчонку с

универа, которая прикрыла недавно свою клинику.

Аленины мысли заполняет всякий хлам, и она наслаждается, сидя в куче ненужных вещей и разбирая их, пристально рассматривая каждую безделушку; поднимая к солнцу, чтобы покрутить в руке.

— Та-а-а-к, — довольно тянет Елена, убирая изо рта де-вушки ватку и эластичную лампочку. Дает понять, что можно открывать глаза. Алене нужно проморгаться, привыкнуть к яркому свету лампы и открыть глаза. — Постучи зубками, — две ассистентки возвышаются над ней с внимательными взглядами, как голуби над семечкой.

Алена стучит зубами, будто бы никогда в жизни этого не делала.

— Пломба не мешает?

— Нет, нормально.

— Ну, все, — мокрые, розовые перчатки летят в мусорное ведро. Интересно, ее кофе уже остыл? Алена вспоминает про него, когда бросает взгляд на подоконник. — Походишь ко мне еще три-четыре раза и все вылечим, — они вместе поднимаются со своих мест, кто куда: Алена сразу за курт-

кой, пытаясь попрощаться улыбкой, а Елена — к столику, записать время записи.

Спина и жопа отваливаются столько сидеть.

— Держи. В понедельник, в три часа, — рука протягивает ей визитку или типа их личной картонки, на которой они пишут время следующего визита.

— Хорошо, — взгляд сразу любопытно падает на миниатюрную картонную книжечку голубого цвета. На, мать его, обложке — название клиники Denatorium, а внизу — имя главного стоматолога написано самым стандартным шрифтом. Типа ариала или калибри. Еще секунду назад лицо Алены было живым. И улыбка на лице двигалась. Но у нее вот-вот занает шея от нежелания поднимать подбородок, взгляд, ногу, чтобы сбежать отсюда. Плевать. Она всматривается в визитку с немым ужасом, будто видит новую разработку человечества.

Она увидела имя — Елена Травкина. Рот приоткрывается.
Да ладно!

Я не хочу петь

Какое-то тухлое утречко.

Она сидит с закрытыми глазами между Ксюхой, Миленой и Марией. Милена и Мария как обычно без остановки, по комариному, триндят, и Алена уже давно поняла, что встревать в это — бесполезно. В такие моменты они никого не слышат, только друг друга. Учитель русского называет их сиамскими близнецами.

И почему Алена думала, что способна влезть в их дуэт? Стать им интересной?

Стать терцетом?

Да... она многого понахваталась с уроков музыки.

Сейчас она отказывается от навязчивой идеи. Смирилась. А вот Ксюха явно надеется, раз пытается комментировать их темы и получать сухие, незаинтересованные ответы. *Ксюха, они вдвоем, им насрать. Успокойся, и попытайся поспать. Как я.*

Она сидит между ними: сначала наблюдает, слушает; мор-

щится, когда они говорят про теорию заговора о прививках, потом многозначительно смотрит вперед, когда они говорят про последнюю серию Ривердейла; а теперь сидит и валится со стула, как сырое протухшее мясо, дожидаясь конца урока. Сегодня урока истории нет. На замене преподаватель социологии, которая разрешила все сорок пять минут отсиживаться телефонах. Поэтому все болтают, как будто ходили с заклеенным ртом весь год.

Ух, а на замене от радости хочется не затыкаясь говорить! Алена готова проходить с заклеенным ртом весь год, а через год, когда скотч размякнет — приклеить новый.

Про жену Травкина она не разболтала никому, понимая, что сладкая информация разлетится по школе, как горячие пирожки. Конечно, кем она работает — никого не интересует, но ее рассказы про мужа... Алену бы сожрали, если бы кто-то узнал, что она владеет такими богатствами в сундуке. Сплетни про учителей — самые дорогие сплетни. Нет. Бесценны.

Даже Насте она почему-то не рассказала. Обе на выходных готовились к контрольным и забыли встретиться, или хотя бы позвонить друг другу. Алена носит свежую информацию у себя в кармане, как талисман; как тяжелый камень, который давит на плечи, и который непременно нужно где-

то бросить. Но негде. Это ее ноша. И зачем ей только это понадобилось? Теперь Алена не может дождаться следующего похода к стоматологу, чтобы навалить еще груза...

Интерес перевешивает здоровую психику.

Травкина Алена не любит, а жену — пожалуйста. Какого хера?

От Травкина хотелось бежать... в сторону его жены, конечно, чтобы выяснить о Травкине побольше. Изучить врага, чтобы никогда с ним не сразиться. Алена совсем потеряла ниточку в размышлениях, которая называется «логика».

Хотелось проанализировать со стороны, понимаете? В научных целях.

И как она только умудрилась без ошибки сделать тест по философии... чей синоним был слово «логика». На самом деле, она до сих пор не понимает, почему учитель называет себя учителем логики, а в расписании написано «Фил.».

Философия, на самом деле, подразумевает логическое мышление, которое должно привести к разрешению вселенских вопросов.

Алена слишком по-философски задумывается о философии на уроке философии, пока делает тест.

— Кто будет списывать, тот осел, — укоризненно произносит философ с поднятым указательным пальцем. Он сам не выдерживает и улыбается своей ненастоящей строгости, заставляя других рассмеяться. — Я серьезно. Только попробуйте.

Он чем-то похож на Травкина. Такие же переключения между «давайте поржем» и «заткнитесь, мне надо преподавать». Правда, другой смех. Философ любил ржать искренне, как конь, да еще над какой-нибудь глупостью, которая становилась смешной только благодаря его смеху... Травкин обнажал зубы только сдержанной улыбкой. И то, редко. Его редко что забавляло и вызывало здоровый интерес. Но они не похожи главным: учитель философии — хороший человек. Он играл на гитаре в кафешках, гулял с детьми и женой по вечерам, в шутку отбирал у младшей дочери сладкую вату. Алена видела.

Ничего подобного в учителе музыки не было.

Он существовал только в нотах. Он был музыкальным ключом в начале каждого. Неживым, но чертовски важным.

Пока Алена слушает философа, она понимает, что вовсе *не слышит его*. Слушает себя. Задает себе вопрос: какого хрена она сравнивает всех подряд с Травкиным, как с эталоном? Или наоборот — видит в нем плохой пример?

Сравнивает и понимает, что кто угодно лучше Травкина, так зачем продолжать раскручиваться на смертельной карусели...

Она делает тест за шестнадцать минут, но не хочет выпендриваться и остается сидеть на своем втором ряду с краю, незаинтересованно оглядывая кабинет.

Портреты философов над доской, которые видела раз двести...

— Ален, ты закончила? Твою мать.

— Да? — она любила говорить неуверенное и вопросительное *да*. Кончики пальцев сами отодвигают тест к краю парты, вынуждая учителя подойти и забрать его, с хитрым и подозревающим ее в чем-то взглядом.

Учителю нечего делать, пока остальные в тишине чиркают ручками, и он бегло осматривает тест, изредка делая замечания парням за последними партами.

— Без ошибок. Настоящий философ.

— Да нет.

— Не скромничай.

Алена все же скромно улыбается только ему, избегая случайного, зрительного контакта с остальными. Первый попав-

шийся на глаза бы состроил гримасу с кривой улыбкой «ну и выпендрейница».

Она точно знает. Она слышала.

И она знает мнение Камиллы и ее миньонов.

Понедельник проходит, как обычно, и Алена упрямо делает вид, что у входа в школу не висит список новых хористов. Если бы она была уверена, что ее имени нет в списке, она бы давно подошла, посмотрела, пожала плечами и плюнула на это хоровое дело, но ведь червячки сомнения потихоньку грызут ее уверенность... Травкин запустил шестеренки в Лариной, которые раньше не крутились.

И она не идет смотреть. Прогуливается мимо.

Если она не посмотрит — значит, ее нет в списке. Логично? Логично, даже есть подобная теория в философии, Алена себя успокаивает. Это оправдание облегчает жизнь. Ну, временно. Незнание позволит ей спать сегодня ночью.

Если только Настя не посмотрит... *Господи, Настя!* Она же сто процентов посмотрит! Ей же тоже интересно! *Настя, нет!*

— Ну что, готова к хору? — спрашивает между делом На-

стя на большой перемене. — Ты, наверно, не будешь в моей группе, потому что только сейчас записалась, но ничего.

А кто сомневался?

Алена сомневалась, но теперь разворачивается на пятках к подруге. Руки в стороны, глаза широко раскрыты.

— Что? — Алена представляла свое удивление тысячу раз, но когда она действительно удивляется, голос с натягом покидает горло. Грудь и голова становится тяжелее. То ли напряжение, то ли давящая, новая информация о жене...

— Что «что»?

— Ты видела список, да? — спрашивает лихорадочно Алена с таким лицом, будто бы Настя посмотрела кассету из «Звонка», и теперь пути назад нет. Они все умрут через семь дней. Или когда там первая репетиция?

— А ты — нет?

— Он что, меня взял?

— Я же говорила, нормально поешь.

Гадство какое.

А Травкин играет в долгую...

Настя упорно пытается понять, почему Алене так сильно не хочется в хор. Внимательно рассматривает ее кислое

выражение лица. Они ведь даже пели вместе однажды. Дуррачились, снимали на камеру. И только подумать! Это была идея Алены. Что случилось? Откуда травма? Почему бы не заняться еще одним творчеством, помимо стихов?

Настя знает, но вслух не скажет. Алена просто ссыкло.

Выход из зоны комфорта означал смерть. Лишнее внимание в ее сторону означало смерть. Сделать что-то не так в новом деле... *пора бы нам действительно посмотреть кассету из «Звонка».*

Глаза медленно и раздражительно закрываются, а руки застывают в воздухе, не решаясь зарыться от негодования в волосы. Очевидно же. Блин, ну очевидно же было! Еще в третьем году. Его цель — выбесить ее до смерти, раз ей так скучно. Надо же было ляпнуть Травкину про его хор! Скучный, видите ли. Иди теперь и пой в свой скучный хор.

Если бы молчала на прослушивании, пока она играл на своих любимых клавишах, он бы все равно взял. Бросил бы что-то: «слышу потенциал, увидимся на репетиции в семь!».

Ларина срывается с места, чтобы заглушить голос Травкина в голове, но... Куда бежит?

Аккуратными, торопливыми шагами она пробирается сквозь толпу учеников к выходу, перепрыгивая и обходя разбросанные рюкзаки. Как какие-то препятствия в игре. Такой

переполох мог быть только на большой перемене, когда ученики уходили за едой и оставляли вещи в гимназии. А такое чувство, что сначала они вертелись юлой и по ходу дела раскидывали свое шмотье! Где упало — там и будет лежать.

Если Алена растоптала случайно чей-то рюкзак, ну...

На контрольной лестнице вниз уже ничего не валяется. С входных дверей нараспашку веет холодком. Логично, что с улицы, а может, Алена холодеет с каждой секундой.

Она быстро разворачивается к доске объявлений, не обращая внимания на возвращающихся с улицы проглотов, и начинает бешено искать нужную бумажку. Сзади смех, громкие разговоры, чавканье.

Быстрее бы найти свое имя и разозлиться еще больше. Вот она.

Алена Ларина.

Будь ты проклят.

Репетиция в понедельник, в 15:00.

Уговора вступать в хор у них не было, так что она не будет. Нет-нет! Алена помнит правила: приходи на прослушивание, или получишь плохие оценки. Может быть, у нее не отвратительный голос, но у нее будут отвратительные репе-

тиции. Он же обязательно будет ее выделять. Он же без причины будет говорить ей петь громче и орать, как орет на всех, кто ленится или не старается. Он же будет подмигивать красивым и популярным девчонкам, потому что ему нравятся такие. Алене от последнего пункта становится противно дышать, как будто она вдыхает сигаретный дым.

Как будто — кто-то из учеников, зашедший с улицы, нарушает правила гимназии...

Она уже видит каждый его пронзительный взгляд, который попадает ей стрелой в легкие. А потом:

«Пой, Ларина, почему не поешь?».

«Ларина, не хочешь спеть Кристину Агилеру? Хотя бы не будет скучно».

Алена перегибает палку, но ей плевать. Ах, если бы он знал! Нет. *Только не ты, Травкин, и твой хор. Я не умею. Не умею петь. Все, что связано с тобой — я не умею.*

У нее все равно обрывисто бьется сердце от предчувствия. Ничего просто так не будет. Он будто стоит за спиной, прямо за спиной, и дышит ей в волосы. За спиной только дует холодный ветер, который просачивается сквозь открывающее-

ся двери. Кто знает — может это декорации Травкина? Кто знает, он наверняка дышит не теплее осеннего ветра...

Надо успокоиться. И съесть недоеденный бутерброд с курицей, который остался грустить на лавочке рядом с Настей.

После последнего урока русского на третьем этаже Алена вылезает из толпы и проскальзывает в туалет. За две минуты этаж очищается, а за другие три — начинается урок второй смены. Шумит только вода из-под крана. Она умывается, пьет воду, *пытается придти в себя и найти кислород хотя бы в холодной воде*, и закрывает кран. Полотенца тут нет, поэтому вытирается рукавом куртки, которую успела надеть в кабинете. Зеркало игнорирует. Выходит в уже очищенный от людей коридор. Абсолютная тишина. В такой тишине всегда кажется, что кто-то схватит тебя за шею или выпрыгнет из-за угла. Бедные дети, которые просидят тут до половины восьмого вечера! Алена спускается по ковровым лестницам вниз, справа учительская, но она заворачивает за угол налево, и идет по коридору до следующей лестницы. Ее шагов совсем не слышно.

Ее саму никогда и нигде не слышно.

За следующим углом — угадайте что? Ковровая лестница. И по ней нужно спуститься, как ни странно. Издалека слыш-

но эхо взрослых голосов, которые остаются проигнорированы. Зря. Когда Алена заворачивает за угол, она тут же кивает сама себе, и разворачивается обратно на сто восемьдесят. Шагает быстрее к первой лестнице, в сторону учительской. Обратно. Обратно! Надо бегом обратно. Куда угодно. Как маленький неуклюжий пингвин, который бежит к своей маме. Руки сжаты в маленькие кулачки.

Бляблябля...

Разговоры поднимаются на второй этаж к ней. Уйдите, уйдите, уйдите...

— Ларина.

Да, это ее фамилия. *А Вы, кажется, Травкин? Какое совпадение: от Вас-то я и бегу.*

Алена застывает и несколько секунд уверенно смотрит вперед. Уверенность растворяется. Закрывает глаза. Как он ее узнал? По вечной куртке болотного цвета? По хвосту? По желанию съебаться от него? Может быть по запаху жертвы, он таких любил сжирать с косточками...

Травкин убеждается, что она послушно возвращается к нему, а сам — возвращает внимание разговору с коллегой. Пара секунд, чтобы закончить, и они прощаются. Мужчина

уходит туда, куда попыталась убежать Алена. *Возьми меня с собой, кто бы ты ни был.*

Так мило, наверно. Стоять посреди коридора в полной тишине. Даже если две секунды. Слишком интимно. Алене надо домой.

— Здравствуйте, — кивает она, пока часто сглатывает. Хватит стоять. Она идет к лестнице, которую он к счастью, не перекрывает. — До свидания.

Он стоит близко к лестнице, как знал. Как знал, что придется подойти. Он не закрывает проход своим телом, лишь только делает шаг в сторону и слегка приподнимает руку. Расслаблено и лениво, конечно. Алена прирастает к земле, дернувшись, ведь его рука могла удариться ей в живот. Травкин стоит сбоку и дышит прохладным мятным дыханием (все-таки, он — ветер). Кажется, синий орбит. Нет-нет, синий самый сильный; после него внутренность рта горит.

Больше похоже на щадящий зеленый орбит, но сейчас он вообще не жует жвачку. Культурный. Куда он ее засунул? За зубы? Так делала Алена на уроках.

— Куда собралась?

Впервые в жизни он уделяет внимание только ей. Не те-

лефону, не другому человеку, а ей. И смотрит на нее. Без иронии. Минуту назад с иронией, а сейчас — спокойное серьезное лицо.

— Домой, — она бросает на него нерешительные, рваные взгляды. Порванные им, вообще-то. Новый факт в копилку: на него сложно смотреть вблизи. Мысли разлетаются, а мозг отказывается их собирать в кучу

Травкин два раза цокает, после чего закатывает глаза.

— У тебя хор.

Взгляд вновь падает на Ларину.

А хор уходит в жопу, простите.

Травкин явно только что пришел из дома. Сумка на плече, бежевая куртка, наверняка холодная кожа после улицы. Наверняка, Алена не о том думает.

Несколько сантиметров дистанции не достаточно. Нужно еще — метр или два. Улица или две. *Встретимся в следующей жизни или через две?* Это неправильно, стоять напротив него, да еще не смотреть в глаза, будто бы она виновата в чем-то. Виновата, возможно. Алена злится, но ему со злости

ничего сказать не может.

Поэтому говорит уверенно то, что в праве сказать уверенно:

— Я не хочу петь.

И они продолжают стоять в давящей тишине, будто бы за этой фразой будет что-то еще. Будто бы за ними двоими всегда было что-то еще, молчание всегда не просто так, светские беседы всегда прикрытие, и они только сейчас начинают искать это... что-то еще... Но он не отвечает. И они стоят. Он — с поднятой рукой в роли шлагбаума, она — перед этой поднятой рукой, стеклянными глазами смотрит вперед. Чувствует вину, которую он ей навязывает глазами. И если честно? Да, ей страшно. Она пока не знает, от чего, но ей точно страшно стоять и чувствовать его наглое, именно наглое, мятное дыхание. Она же сказала: она не умеет с ним функционировать. Из нее щас дым пойдет.

Он молчит. Недолго.

Вскидывает брови. Она это видит; и видит, как он на выдохе отходит к дверям зала, около которых они все время стояли. Достает ключ и открывает.

— Почему? — спокойно задает вопрос спиной к Лариной. Через секунду он исчезнет в хоровом зале, так и не дождав-шись ответа. Он ведь задавал его из вежливости. Сначала он делает вид, что ему есть дело, а потом передумывает, зака-тывает глаза и исчезает за линией горизонта.

А ты стой и думай: это было настоящее или мираж?

Сложно. Почему? Вопрос заводит уверенные мысли Але-ны в тупик. Что значит *почему*? Здесь не должно быть ни-каких вопросов! Она просто не хотела петь. А почему? Та-кое чувство, будто она сама не задавала себе таких вопро-сов. Быть в хоре с Травкиным — это то, чего она не хотела, а петь... ей это нравилось, временами. Вечерами. Зависит от компании. Так что она неправильно выразилась.

Взгляд находит вопросительный взгляд учителя.

— Я спрашиваю: почему? — произносит он тверже и громче. Все-таки дело есть?

— Я не знаю, — говорит первое, что приходит в голову.

— Ты адекватная? — он все никак не может войти в зал. Дверь заклинивает. Он несколько раз дергает ее, напрягает-ся, чуть-чуть согнув колени, и открывает. Теперь он может

просто зайти внутрь, а она — может валить.

Ларина удрученно вздыхает, позволяя взгляду отдохнуть на высоком потолке.

— Я просто не понимаю, — и почему-то идет за ним, ведь они не закончили разговор.

— Что не понимаешь? — он звучит так безжизненно и равнодушно, что хотелось прыгнуть ему обезьянкой на спину и начать орать какую-нибудь идиотскую песню на ухо, чтобы он проснулся и среагировал.

Словно он прожил несколько похожих жизней, и еще одна такая — ему осточертела.

Еще одна такая девчонка — не интересна. Должна быть. Зал огромный. Красные стулья по-прежнему стоят на местах. Сквозь окна просачивается яркий белый свет. Алена никогда бы не подумала, что будет стоять в зале одна в луче солнца. Под прожектором. С Дмитрием Владимировичем. Как в реалистичном сне, а ослепляющее солнце как знак, что она вот-вот проснется.

Почему же сон такой длинный?

Учитель бросает черную сумку на один из стульев в пер-

вом ряду, а она не просыпается от громкого звука. Все еще стоит в проходе и смотрит на него, как на прослушивании. Это, наверно, ее предназначение: стоять и молча смотреть на него, пока он делает вид, что не видит.

Ей нужно высказать то, что ее больше всего бесит. Жизненно необходимо. Только бы набраться воздуха.

Воздуха в его зале нет.

Вдыхай свою смелость, давай. Он такой же мудацкий учитель, как и половина гимназии, давай, ничего особенного.

— Вы берете только лучших. Ух, вот это бомба.

Ну, понятно. В переводе: «Зачем Вы взяли меня?».

Травкин уже сидит в светло-голубой рубашке за роялем, который обычно не трогает. Сидит неправильно, то есть вообще не повернут к клавишам. И вообще, он просто любит отнимать у рояля стульчик и сидеть где-то рядом, откладывая на блестящую поверхность стопки нот.

Но когда Алена выдала бесценный аргумент, он останавливается.

Он кладет все бумаги обратно на рояль, до конца их не разобрав. Ногу на ногу, пальцы в замок на коленке, и при-

стальной, но одновременно безразличный взгляд на нее, как на полную дуру. Она мгновенно чувствует себя такой.

Идиотинкой.

— Откуда ты знаешь, — он рассасывает ей каждое слово, как на приеме у логопеда, — кого я беру в хор?

Он бил так больно.

Правдой.

И правильными вопросами, от которых Алена могла молчать и пытаться открыть рот. Она просто рыба, выброшенная им на песок. С губ слетает прерывистый выдох от того, как прямо и бесстрастно он смотрел, посвящая свое драгоценное время только ей. У него на лице же написано: «*Ты заебала меня*». И интонация такая же. Но он почему-то так не говорит.

Ей становится стыдно и отвратительно в ту первую секунду тишины.

Она ведь не знала. Она просто слышала, много чего слышала о нем и предполагала...

На деле, ее прочный замок из знаний — не сундук, а карточный домик, *а его мятное дыхание с легкостью его рушит...*

— Откуда тебе вообще что-то известно, Ларина?

Он решает продолжить добивать тем, что поднимается на ноги. Для эффекта хватает ближайшую бумажку с рояля, которой мог размахиваться.

— И хор скучный у тебя. И песни скучные, — он говорит по нотам несуществующей песни, словно читает стихи. Растягивает последний слог и тянет вверх. — Еще ни разу не была на репетиции и уже ноешь: «Ы-ы-ы, он берет только лучших, помогите, мне страшно», — он делает кислое лицо и максимально низкий голос. Алена опускает подбородок и пытается съесть свою улыбку. — Ало, — голос возвращает свой привычный лед. Он стоит не особо близко, но наклоняется, чтобы помахать бумажкой у нее перед носом. — Я не шучу. Для начала сделай что-нибудь, хотя бы один шаг и потом делай выводы.

Никто лучше хуже Травкина не отчитывает. Он любит брать тебя за затылок и окутать в твое же дерьмо, пока ты не начнешь захлебываться им. Пока не поймешь, кто виноват. И потом — он прав. Пусть лучше он будет прав, потому что мысли Лариной слишком густые и душные, и ей давно тяжело дышать.

Своей мятной жвачкой он прочистил кислород.

И он, наконец, начинает жевать ее, когда Алена поднимает взгляд. Пафосно и показательно.

— Учи, — тыкает бумажкой ей чуть выше груди, и Алена вынуждена взять ее в руки, перевернуть, и прочитывать название старой песни Toto — Africa. Взгляд беглый, восхищенный, голодный, никак не мог насмотреться на ноты и на слова под ними. Радостно-грустный взгляд, если такие бывают. Будет глупо сказать, что ей нравится песня.

Она голодная, но она не будет жрать его песни.

Он ведь для нее это устроил? Нет, срать он хотел с самой высокой вышки на то, чтобы ей угодить.

Она лишь еще раз поднимает взгляд, чтобы что-то сделать. Чтобы посмотреть на Травкина, который садится обратно на стульчик, но не ждать от него ответа или взаимного взгляда: ей просто нужно посмотреть на него для себя.

Ненавидеть его выдуманый образ у себя в голове было легче.

А ненавидеть в жизни... она его не ненавидела. Он вызывал все самое неприятное в Алене, но не ненависть.

Он делает хуже. Заставляет осознавать.

А в какой цвет красить осознание — решение Алены.

За спиной открываются двери, и в зал заливается активная, шумная болтовня. Репетиция в 15:00 все еще в силе.

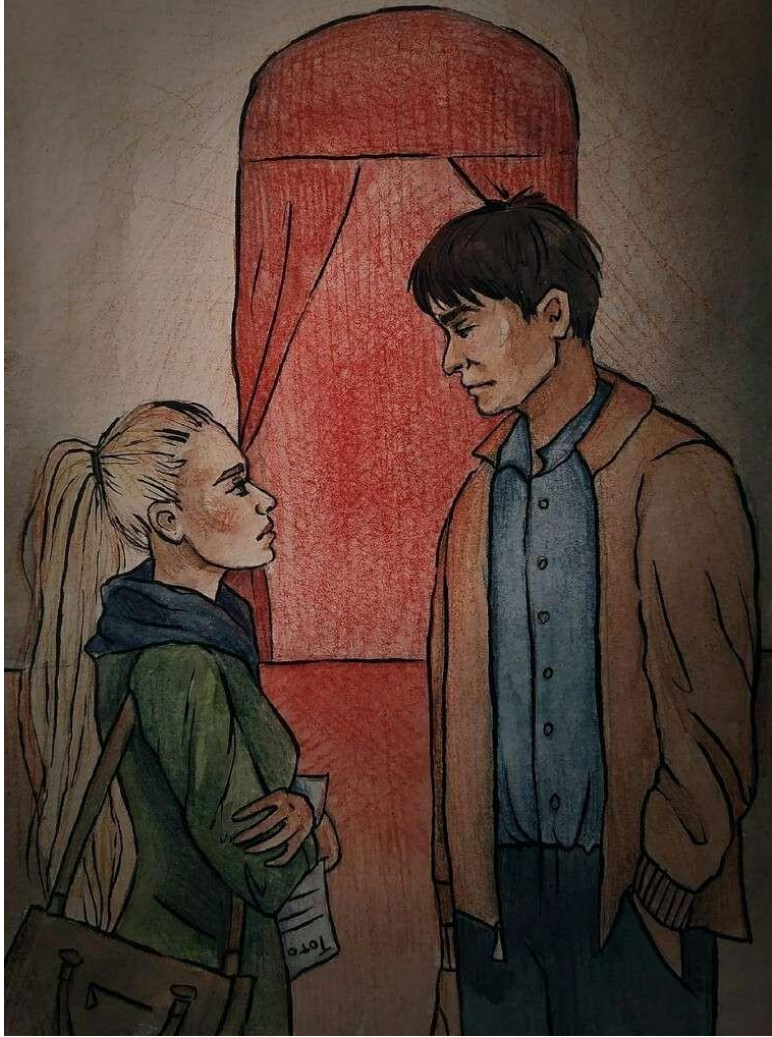
Ларина оборачивается и вздыхает, когда видит толпу хористов. Неуверенно держит перед собой листочек с нотами.

Какими-то странными способами он поднимает ее самооценку. Кричит тебе в лицо: «Прием, Хьюстон. Ты — не дерьмо, пока я не назову тебя им.». Нет никакой загадки и, нет, мир вокруг Лариной не крутится. Травкину что, делать больше нечего, кроме как мстить Лариной до конца учебы? Ему было слишком влом, чтобы пытаться.

А ей просто понравилась песня.

Но она ни за что об этом не скажет. Уходит. Растворяется в толпе.

Я НЕ ХОЧУ ПЕТЬ

Красивая песня

Мария: Камилла с Леной говорили о тебе.

Вода выливается обратно изо рта, стекает на подбородок, но Алена быстро вытирает ее кулаком и еще быстрее тычет по экрану. Главное, не забывать смотреть под ноги.

Алена: Что говорили?

Мария: Про твое имя в списке.

Алена: Жопы загорелись?

Мария: Не знаю. Они думают, что Травкин пошутил или типа того.

Милена: Ален, Камилла и Лена говорили что-то про тебя.

Алена выходит из дома не с такими мыслями и не с таким отстраненным выражением лица, с каким заходит к стоматологу. Стоит переступить порог, и она оказывается не там, где хочет. Стоит переступить порог четвертого года гимназии —

и она оказывается не там, где хочет. Западня. Взгляд окидывает маленькое и уютное помещение, все с теми же цветочными стульями, но видит каменные стены и высокие потолки. Бесконечно длинные коридоры и толпу учеников, сквозь которую приходится протискиваться. Чем дальше ты дергаешься, тем быстрее закручиваются вокруг тебя узлы, будто ты действительно можешь задохнуться.

Ей должно быть страшно.

Она должна испугаться разговоров о ней, потому что она никогда не была достойна упоминания своего имени в змеином кружке Камиллы и Ленки.

И ей страшно, ведь дорога перестает быть асфальтированной. По сторонам больше нет сербских полей.

Повсюду что-то не то.

Но ей почему-то приятно. Пусть ей будет приятно, а им — не очень.

Пусть их сожрет любопытство, но Ларина не желает им смерти или бытовых, раздражающих неудач. Ей приятно, что им в кои-то веки неприятно. Ей приятно, что они пачкаются об ее имя и тратят на серую мышь время. Приятно, что им

двоим делать больше нечего...

Но теперь она чувствует нож, упирающийся в бок. Сплетни.

Куда они приведут? Ее или их? Да какая разница... Им вдруг становится интересна Ларина, потому что она коснулась их золотой короны. Их, сука! Золотой! Короны! Какая-то тупая Алена Ларина приходит на прослушивание в последнем году, и Травкин ее берет. Ничего личного, их просто бесит факт.

Хотя... очень лично.

— Привет, Ален. Садись.

Елена не меняется с прошлого раза. Короткие, от природы прямые, каштановые и мелированные волосы; ухоженная челка; белая одежда с розовыми кармашками на штанах и майке. Постоянные белоснежные улыбки, как у куклы. Сейчас она без перчаток, и Алена спокойно может увидеть (снова), что она не носит кольцо. Однажды, она состроит теорию заговора. Проанализирует каждую деталь и соединит важное красными нитками, но пока что она спокойна.

Елена говорит меньше, но если и говорит, то про двух мужчин-клиентов. Фоновые истории быстро надоедают, и Ларина решает фокусироваться на жужжании аппаратов,

представляя в голове, как они выглядят и какого они цвета.

Открывать глаза у стоматолога — нарушение какой-то традиции.

По лестнице от ресепшена до пыточной комнаты постоянно кто-то шастает: то одна ассистентка, то вторая, то та пухлая брюнетка с самого ресепшена. Шаги слышно отчетливо.

И Алена, как всегда, привыкает к обстановке и перестает замечать звуки нижнего этажа, пока не...

— Лен, ну.

Интересно функционирует ее мозг. Как мозги вообще работают? Алена не узнает его голос моментально; наверно, медленные осознания хуже всего. Она ощущает покалывания в плечах и на затылке, но она не понимает — почему. Из-за голоса, явно. Но чей? Две-три секунды... она перебирает голоса учителей.

Почему-то учителей. Знает, что чей-то учительский, но голос Травкина автоматически блокируется.

Так чей голос ты заблокировала?

Она и так не находит силы двинуться в розовом кресле,

позволяя телу замерзнуть от холода собственных мыслей.

— Мы заканчиваем... — отвлеченно тянет она ответ голосу снизу, не отрываясь от работы.

Ларина все равно сидит спиной. Он и жену толком не может увидеть, не то что ее.

— Я подожду внизу.

Интонация, с которой он произносит слова на сербском, еще нежнее и расслабленнее. Еще больше, как игла, которая залезает тебе под кожу и остается там. Пусть не ждет внизу, окей? Пусть едет на своей гребанной машине домой, потому что Алена через окно не планирует десантироваться.

— Постучи зубками. Классическая процедура.

— Нормально?

— Да.

— Тогда на сегодня все. Подожди меня внизу, я запишу тебя на следующий раз. Так, с окна будет больно падать или?..

Натянув болотную куртку, она ощущает тепло. Когда она вдыхает, больно улыбается и начинает спускаться по лестнице, пустыми и наигранно увлеченными глазами пялясь в телефон — ей становится жарко. Вдыхает и не может вдохнуть.

Шаг.

В мыслях эти сообщения. Камилла и Ленка смотрят на нее. Где-то у окна, как они всегда стоят и нагло смотрят, с улыбочкой. Они ждут, когда она задумается и споткнется. Когда выпрыгнет в окно. Как мешок с дерьмом полетит вниз, к нему. Она сама от себя ждет. Нет, хер ему.

Девчонки на ресепшне нет. Она ускоряет шаг на последних ступеньках и не оборачивается, зная, что за спиной диван.

На котором сидят. И ждут. Так принято. Она оборачивается, затаив дыхание и замечает пустой белый диван. Нетронутый злом. Глаза прикрываются от всепоглощающего облегчения. Кто знает, может, он решил подождать в машине? На пороге? Сесть тихо не получается, потому что диван издает непонятные звуки. Алена даже не облокачивается на спинку, оставаясь сидеть на диване как примерный ученик.

Только сейчас она прислушивается к колонке, играющую радио, и слышит знакомые ноты. Теперь слова. Боже, да, «Total Eclipse of the Heart»! Если бы не сериал «Хор», она бы ни за что не обрадовалась и не начала напевать песню. Ее невозможно не петь.

Особенно на припеве, когда Бонни Тайлер начинает говорить. А еще в самом конце инструментальный проигрыш. Ее рука плавно двигается в воздухе, а взгляд стоит на месте и ничего перед собой не видит. Пытаясь написать, нарисовать, предугадать следующие строчки.

— Красиво, — его голос звучит так же решительно и громко, как в хоровом зале. Наверху чистятся инструменты и слышатся сербские разговоры с ассистентками. Он не пытается что-то скрыть, потому что знает, что нет нужды. Неудобные ситуации его избегают за двадцать километров, потому что он сам — неудобная ситуация. — Красивая песня.

Алена сглатывает заранее: как только спустилась с лестницы, но сейчас приходится опять сглотнуть. Останавливает руку и моментально улыбается, замораживая свое выражение лица. Обычно так встречаешь учителей вне гимназии, школы, универа, которые внезапно появляются из-за угла.

Он, сука, что, прятался в туалете?

— Простите, я Вас не заметила, — Ларина без шуток нацепляет приятно удивленную улыбку и поднимается. Из уважения к старшим, видимо. Он делает пару медленных, про-

гулочных шагов к ней. Так обычно ведутся разговоры, на расстоянии пару метров.

До этого он стоял у ресепшена. А вышел он из туалета.

— А я тебя не понимаю, — он отводит взгляд, вспоминая. Стоит, не смотрит на нее своим недовольным и уставшим взглядом; губы поджаты, руки держит в карманах. — Я думал, что понял, но, — нижнюю губу кусает в размышлениях, — по-моему, ты издеваешься, — и он опять не шутит.

— Это просто песня, я просто...

— Я не про сейчас, — быстро и нагло перебивает он ее с полузакрытыми глазами. — Про репетицию. Ты ушла, не предупредив. Это некультурно.

Некультурно не тихо уходить, а все поведение Лариной вместе взятое. Некультурно вешать учителям лапшу на уши, да и вообще: кому угодно вешать. И Травкин задело, как человека, а не как учителя. И он не шутит. Шутя, он меняет интонацию на более шутливую и оставляет взгляд серьезным для достижения юмористического эффекта. А тут все его появление серьезное.

Будто бы он сидит тут и ждет не жену, а...

Они выглядят странно, или так кажется Алене. Разговаривать с учителями в общественных местах кажется дикостью, словно вы можете говорить о чем угодно. Так и выходит: они говорят о чем угодно, но приходят к одной вечной проблеме. Проблеме и года нет, но она кажется вечной со вчерашнего дня.

Как он только умеет обливать грязью! Алене снова надо в душ.

— Да, я... — настоящее выражение лица возвращается. Бегающий взгляд и нервное движение челюстью. Травкин плюхается на уже помятый диван после Алены, — должна была сказать, извините, но потом в зал пришли оста...

— Не надо передо мной извиняться.

Проблема его серьезности в том, что даже к ней он привыкает. Что и серьезные ситуации воспринимает наплевательски. Что таких дур у него был целый вагон и что разбираться с еще одной ему лень, но его обязывает профессия. Травкин тянется за сосательной конфетой на столе, и его черная куртка громко шуршит.

— Извинись лучше перед собой, — говорит он конфете, пока ее разворачивает.

Она тоже хочет конфету, поэтому жадно цепляется взглядом за серебрянный поднос. Нет, она не возьмет. Это бы порвало между ними натянутую струну. Блять, да она бы выглядела еще более дурой, чем есть сейчас. Но у нее такое кислое лицо. Конфета бы исправила положение дел.

Хватает первую попавшуюся и торопливым, спотыкающимся шагом вываливается из клиники.

— До свидания, — бубнит себе под нос.

— До свидания, — но дверь уже наполовину захлопывается. Он откидывается на диван, забрасывая ногу на ногу и руку на спинку. Ртсутствующим взглядом ловит последние секунды не закрывшейся двери. Язык толкает конфету то к одной щеке, то к другой. Дверь надоедает. Он достает телефон и листает новые сообщения.

Шаги по лестнице и женский смех. Вся орава спускается. Травкин растягивает обертку от скуки и любопытно смотрит на спускающихся девушек. Видимо, пора на выход.

Елена, еще с искрами в глазах и румяными от смеха щеками, идет прямо к Травкину.

— А где Алена? — спрашивает она с остатками смеха, как

будто только что закончила рассказывать анекдот.

— Понятия не имею. Это что, новый стоматологический прикид?

— Нравится?

Школа начинает давить разной херней и ставить подножки на самых неожиданных местах. Внезапные устные ответы по географии и истории в один день, ну кто так делает? Математика на следующей неделе, но математичка болела две недели, и непонятые классом темы ее не интересуют. Хотя, если подумать, подножки были ожидаемы.

Ларина просто устает.

Надо же, и ботаничку довели.

По четвергам у них с другой половиной класса один совместный урок. Информатика. Остальные уроки у них проводятся на английском, а у кучки непопулярных детей, в числе которых Алена — на сербском. Билингвальные классы всегда такие странные.

На сербском все дрыхнут. Предпоследний урок второй смены — информатика. Скука смертная, а не уроки. На информатике все дрыхнут так же, как и на предыдущих уроках, но активнее. Алена с полужакрытыми глазами слушает учителя и рассматривает надпись АС/ДС на футболке девочки, сидящей впереди.

Бла-бла, азбука, скобочки, точки, компьютерный код, можно домой?

Что делает Милена рядом? Рисует копыта лошадей. Ее занятия конным спортом вдохновляют на творчество за пределами конюшен.

Алена устало закатывает глаза и осматривается, тут же заострив внимание на Камилле. Она медленно, очевидно демонстративно, отворачивается от Лариной, стоило той направить на нее взгляд. Так ее горящая жопа никак не потушится?

Какое ей дело до Лариной?

В последнем году никто не записывается в хор. Никто не делает это в одиночку. В кружки записываются компаниями, а Ларина — случай на миллион. Да еще удачный случай.

Ну, гори-гори...

— Камилла смотрит, — шепчет Алена в сторону Милены, едва двигая губами и для вида наблюдая за доской, на которой появляются новые непонятные коды для запуска ракет.

— Она весь урок смотрит, — шепчет Милена, не отрываясь от рисунка.

Весь урок значит. Звенит звонок, и все вскакивают с мест. Милене надо в туалет, и Алена идет за ней, пристально осматриваясь по сторонам.

Когда ожидать очередной нож в спину?

Камилла очень прямолинейна. Если ее беспокоит что-то, она это скажет. Лариной остается ждать. И только подумать, все начинается с той замены на дежурстве, и теперь Камилла не может дождаться причины, чтобы начать дерзить Алене снова. Но поймите! Камилла Крылова — ни в коем случае не плохой человек, и вообще, чистейших плохишей не существует. Она не клише язвительная популярная девушка из американских сериалов. Алене было бы проще не любить ее, будь она злодейкой, но она такой же ботан, как и Ларина. Учит все подряд, занимается спортом и всегда выглядит потрясающе. Знаете этих людей, продавших душу дьяволу?

Она нормальная, хорошо поющая девчонка. Просто так получается, что Крылова ждет от Лариной провала, потому что она заставила однажды провалиться Крылову.

Ларина остается стоять у стены, напротив дверцы туалета. Мимо нее проходят толпы, но она все смотрит за угол, из-за которого должна вырулить Камилла.

Должна же. Должна своей королевской уверенной походкой блеснуть на перемене.

Чуйка не подводит. Из-за угла появляется ярко-красный свитер из зары. Алена тут же демонстративно отворачивается, будто не ждала.

— Привет, Ален.

Будто бы весь день не виделись.

— Привет, — взгляд *я-не-знаю-о-чем-ты-хочешь-поговорить-со-мной*. Лена рядом заходит в туалет, оставляя намекающийся разговор разгораться в одиночестве.

— Как прослушивание? — со стороны выглядит, как милая беседа двух подруг, но одна из них прячет бутылочку с ядом за спиной. Камилла стоит в такой позе со скрещенными сзади ладонями. Ее голос всегда низкий и хриплый, будто бы у нее пожизненное воспаление горла.

И все же — поет она по нотам.

— Он меня взял, — *о, как приятно произносить правду.*
Даже если Лариной от этого факта неприятно: произносить это, чтобы засорить атмосферу Камиллы — бесценно.

Камилла разыгрывает удивление, внезапно улыбнувшись и приподняв брови.

Давай притворимся, что ты не шепталась за моей спиной, а я притворюсь, что не знала.

— Вообще-то — нет, — все еще усмехаясь, медленно говорит она. С таким выражением лица она могла бы поправить Ленку, которая пересказывала ей лекции по истории. Вообще-то — нет, Япония воевала на стороне России во время Первой Мировой. Вообще-то — нет, он не мог тебя взять, потому что в хор попадают только особенные, а ты не являешься особенной. Проверь факты.

— Вообще-то — да, — Алена упрямится с натянутой улыбкой. Ей же так нравится упрямится, но только не в саркастических спорах. С Камиллой у нее другие отношения.

На лице Крыловой застывает осуждающая ухмылка. И взгляд такой же. Принижающий, с легкостью отталкиваю-

щий к стенке.

— Тебя нет в нашей группе на фейсбуке, — бить фактами хорошо. Алена так не умеет.

— Потому что я отказалась.

Ей становится еще смешнее.

— Он тебя взял, и ты отказалась? — насмешливый голос повышается, и компания девочек рядом пытается незаметно обернуться. — Конечно.

О, такие фокусы еще никто не выделявал? Не привыкли к охреневшим Аленам, которые добровольно отказываются от короны? Такое тоже бывает.

— Я просто не хочу петь, — продолжает спокойно Ларина, не пуская в ход ядовитые взгляды и кривые усмешки. Сколько можно говорить, это не ее конек. Крылова с каким-то облегчением и ожидаемым осознанием вздыхает, теряя интерес и по инерции поворачиваясь к вернувшейся Ленке.

— Так мы и думали, что он пошутил, — ее голос не злобный. Камиллу хочется не любить все больше и больше из-за ее войны, которую она не ведет в открытую.

— Ты многое пропускаешь. EverGreen, день школы, кон-

церт в конце года... — ежегодные мероприятия, которые никто, кроме хористов, их родителей и учителей не посещает. Впрочем, EverGreen любили даже ученики, а Алена понятия не имела, что это вообще.

— Попробую пережить.

— ...И после дня школы хористы обычно остаются, чтобы прибраться. Без учителей. Можно делать, что угодно.

— Как тогда, ты сломала микрофон, помнишь? — добавляет Ленка.

— А ты сперла себе белое платье.

Да они тут сумасшедшие что ли все.

Они могут начать разговаривать друг с другом ни с того ни с сего: однажды, они это сделали на информатике, пока Ленка писала коды на доске, и Камилла начала ее исправлять, и у них завязался разговор о их предстоящей поездке в Ирландию. Учитель был, мягко говоря, в ступоре. Да они просто решили, что могут многое себе позволить. Все учителя ставят в пример их маски и заставляют других их носить? Травкин считает их одними из лучших, а они тырят и портят собственность гимназии? Алене становится противно от одной мысли, что Травкин понятия не имеет. Что никто из учителей не знает. Хотя такие вещи и не положено знать взрослым.

Да они же грязные лгуны. Ужасные.

Алене она окончательно перестает нравиться. Ее натянутая улыбка пропадает, а взгляд начинает бегать по ним двоим; начинает осматривать, как взволнованный родитель. Придет ли она послушать их концерты в первый ряд?

Нет, но она придет.

Она придет, наденет белое платье, или какие там хористы надевают, встанет плечом к плечу с Камиллой и споет.

Ах, мечты. Камилла красиво поет. Ей далеко карабкаться до ее вершины. Или на жопе катиться до ее дна?

— Так вы развлекаетесь? А в голове вечное, я не хочу петь.

Я никогда не хотела петь. меня не интересует пение, меня интересует правда.

— А ты — нет. Потому что будешь делать физику или что ты еще там будешь учить.

Опять прошлогоднее дежурство.

Взгляд Камиллы уже остывает и возвращается к Ленке;

и вообще, они начинают медленно растворяться в воздухе, исчезать, как мираж на асфальте, а Алена все еще смотрит в угол, за который они завернули. Голова кипит и думает над следующим уколом.

Но разговаривать не с кем. Взгляд долго не двигается. Как и она, никогда никуда не двигается.

Никогда ничего не делает.

И узнав о плохих вещах или хороших, ничего не делает. Избегает и хорошее, и плохое, лишь бы не оказаться в эпицентре событий.

Милена разговорами ведет ее обратно, до нужного кабинета, а Алена чувствует себя призраком. Если она захочет, она уйдет и останется незамеченной. Она свернет в другой коридор, и Милена не заметит. Она надеется, что не заметит. И действительно: поднявшись по лестнице, Алена вдруг застывает, растирая кончики пальцев друг об друга.

Милена останавливается в двух метрах.

— Ты чего?

— Иди. Я приду.

— Да ты... — Милена не собирается отпускать Ларину,

но она уже начинает идти в противоположную сторону.

Ноги обходят учеников. Руки брезгливо прижимаются к груди. Глаза иногда закрываются. Тело иногда дергается в попытках просочиться. Волосы падают на лицо, и она их одним движением головы забрасывает за плечи.

Остается пройти узкий ковровый коридор, ведущий в учительскую. Завернуть за угол, но из-за угла выворачивает Травкин собственной персоной, уставившийся в телефон. В другой руке, как ненужная и мешающая ему вещь — синий журнал какого-то класса. Широкий и быстрый шаг, как обычно. Если встать близко к нему, можно пошатнуться от порыва ветра, поэтому Алена и не стоит на месте, а осознает и уговаривает себя пойти за ним.

Ей кажется это правильным. Но чувствуется неправильным.

— Дмитрий Владимирович, — бежит она за ним, сменяя шаг то на быструю ходьбу, то на короткий бег. Как послушная собачка, которая просит лакомство раньше времени.

Учитель оборачивается, оставляя взгляд в экране, и не сбавляя ходу.

— Что?

— Я же все еще в хоре, так?

Его брови сдвигаются, даже если он продолжает смотреть в телефон. Ларина чувствует себя призраком, и именно так смотрит на нее Травкин: будто видит неприятного ему, навязчивого призрака. И вздыхает.

— Это какой-то розыгрыш со скрытыми камерами, Ларина? — они оказываются около семнадцатого кабинета и кучи детей из младшего класса. Он открывает дверь ключом с первого раза. — Хочу петь, не хочу петь...

Дверь открывается, и дети вваливаются туда, пока Травкин стоит, держась за дверную ручку напротив Лариной, давно не его ученицы.

— Ну, я решила, что хочу петь. Он устало поднимает брови.

У нее сердце вылетает из груди, и она не понимает, почему. Ее подташнивает рядом с ним, как ее всегда тошнит на качелях или в автобусе. Травкин — это какая-то бешенная карусель, от которой страдает вестибулярный аппарат?

Но говорить-то надо, даже сглатывая тошноту.

— И если можно, я хочу в группу с четвертым годом. То

есть, с моим. То есть, с Камиллой и Ленкой.

— Я тоже много чего хотел, — теперь издевается он, отыгрывая разочарованный выдох и мечтательный взгляд куда-то вглубь коридора. — Но как видишь, загородную виллу мне еще никто не подарил.

— Но я же могу петь с четвертым годом.

— Можешь, если выучишь песни второго и третьего.

Открытый рот пытается что-то выдать. Глаза пытаются найти что-то на темно-зеленом свитере Травкина. Он смотрит в ее глаза, потому что он всегда смотрит людям в глаза, но вдруг отвлекается. Морщится.

Наклоняется на одной ноге в дверной проем.

— Тишина, или всех выброшу в окно по очереди, — гавкает он на мелких в классе, и те сразу же затихают, ошарашенно посмотрев на учителя. Кто-то смеется. Кто-то закрывает рукой свой рот, чтобы не смеяться.

— Я выучу, — возвращается к теме Ларина.

— Окей, значит завтра в двенадцать, я и ты, репетиция.

Я и кто?

Это что, фильм?

Травкин никак не может сконцентрироваться на Алене, потому что тянет шею в кабинет и смотрит, чем щенки занимаются в его святом кабинете. Шум опять нарастает.

Слава Богу, потому что у Алены есть время открыть рот и подумать.

— В смысле?

— В этом самом, — резко поворачивает к ней голову, и Алене приходится уставиться в его серо-зеленые глаза на несколько секунд. Скорее всего, одну секунду. Смотреть другому человеку в глаза очень... напрягает. Особенно ему в глаза выглядят так, словно они последнее, что она увидит. Терпит покалывание на коже. Это как брать нож и делать на коже порезы.

— Если хочешь, будем учиться петь. Не хочешь, то я не собираюсь тратить время на твои хочу-не-хочу.

— Ладно, да. Будем петь.

— Отлично. Договоримся завтра. А теперь иди на уроки, — кивает головой в сторону коридора с поднятыми в ожидании брови. Говорит спокойным и усыпляющим голосом.
— А я пойду на свои.

Никакие адекватные звуки все равно не срываются с Аленыных губ, так что она почти улыбается и почти кивает. Он тоже почти вежливо улыбается и прежде, чем закрыть за собой дверь, в последний раз смотрит.

И она в последний раз смотрит.

Будто бы в этом есть смысл. Не для Травкина... Он же просто исполняет школьные обязательства, а Алена задумывается.

Они вдвоем какие-то не такие. Или Ларина любит мечтать и писать свои песенки. Второе реалистичнее. Она стоит около закрытой двери еще некоторое время, думая про его «я помогу». Помощь входит в его контракт? А если не входит, он все-таки сумасшедший? Влюбленный в свою работу, даже если ее касается существо, по фамилии Ларина? Странно. Многим ли он помогает? Хочет помочь? Часто он так делает, потому что хочет? Да ничего он не хочет.

Пускай даже и многим.

Никто же не паникует от этой мысли? Ларина тоже не должна паниковать. И вообще, она много чего не должна была.

Ларина, прием

— Куда ты «ми» тянешь на «соль», мы все еще в первой октаве, — раздраженно закатывая глаза, учитель наклоняется к Лариной. — До, — он бьет пальцем по клавише, даже не смотря на клавишу, — Ре, — следующим пальцем по следующей клавише, — Ми, — еще раз. — Не со-о-о-ль, — он специально фальшиво тянет высокую ноту, будто бы тянет «си» и еще добавляет какое-то цыганское вибрато. — Еще раз.

— Это уже восьмой раз, — как сломанная спичка стоит Ларина в двух шагах от него.

— Значит, еще восемь раз будет, — он грубо обращается, видимо, к клавишам. — Выпрямись и пой.

Не то, чтобы Алене надоело петь она просто не может спеть, как ему надо. А ему много надо, как оказывается, от Алены, у которой ноль музыкального образования. Которая, как бы что тут забыла после уроков в хоровом зале с Травкиным? Если бы ей сказали это год назад, она бы поржала над чьей-то разыгравшейся фантазией.

Петь с учителем, с которым ты три года не разговаривала, и до сих пор и не научилась Что еще за новости.

— До, ре, ми, фа, соль

— Я повешусь.

Он психует прямо как на прослушивании. Только не бьет

ладонями по клавишам, а с громким выдохом поднимается и как-то демонстративно встает напротив нее, скрестив пальцы в замок за спиной. А это — прямо как на прослушивании.

Поднимает брови, мол, давай.

— То же самое? — неуверенно спрашивает Алена, нахмурив брови.

— Боже упаси тебя петь то же самое. Пой лучше, — ровным тоном. Он-то умеет подбирать правильные тона: нотные станы у него вместо артерий ведут к сердцу. И все прямые, натянутые, золотые линии.

Ее неуверенное выражение лица не меняется, и она только меняет фокус внимания, заостряя взгляд на стене впереди. Да у нее дежавю! Опять он не за синтезатором. А теперь тут еще нет Миши, который бы сыграл вместо него. Сегодня по расписанию расстрел без свидетелей.

С клавишами легче, оно ведь поет вместе с тобой, помогает. А теперь в одиночестве?

Доремифасолясидо.

Таков план.

Травкин устало закатывает глаза, подбрасывая взгляд на секунду к потолку. Делает внезапные шаги к ней за спину, словно хочет спину проткнуть, но нет, ничего такого, но тело все равно обманывает. За спиной сразу становится жарко, будто все-таки проткнул, и хорошо, что ему не видно изменившегося взгляда: неуверенный становится окончательно потерянным. Она плавно затихает, почти пискнув в кон-

це. Оборачиваться запрещено: Ларина не настолько смелая.

— Я сказал остановиться?

— Нет.

— Ну тогда чего молчим?

Все эти три года? Или конкретно сейчас.

Алене тоже интересно. Стало интересно на днях. Раз она может разговаривать с ним сейчас, почему не могла на уроках? Почему так усиленно, стиснув зубы, молчала и просто существовала на уроках музыки? Приносила свой не разложившийся труп и усаживала в третьем ряду; не в первом, потому что он бы заметил, и не в последнем, потому что он бы никогда не заметил. Можно сказать, он ей всегда нравился, и рассмеяться, но

Что за но?

Травкин нравится, еще чего. Учитель-козел номер один, если верить слухам и собственному тянущемуся животу. И самая бессмысленная симпатия была бы, если верить анализам Лариной. В слухах об этом ни слова, ни одной записочки, ни одного оставшегося выжившего, который бы рассказал, как хуево в него влюбляться

Хотя Алена сейчас лучше бы молчала, чем говорила сама с собой.

Начинает заново.

До.

И ей вдруг становится резко неприятно и слегка больновато, а на плечах наверняка останутся следы его пальцев. Трав-

кин хватает ее за плечи и тянет назад, а она заикается, потому что поперхнулась, и недопетая нота застревает в горле. Подбородок по инерции опускается, и голова хочет вернуться вперед. Пустой взгляд, бесполезное моргание.

Они молчат в этой позе, и он не убирает руки.

Она считает секунды тепла на ее шее, которой он не коснулся. Раз, два считать получается лучше, чем петь, потому что считать далеко не требуется.

— Ларина, ты слышишь голоса? — тихо и загадочно интересуется Травкин с правильными расставленными паузами в вопросе. Может показаться, что это здоровый интерес. Не наигранный, классический интерес.

А еще.

Он что, опять с мятной жвачкой?

Его пальцы двигаются на ее плечах. Человек, стоящий рядом, даже если бы изучал именно пальцы Дмитрия Владимировича, не заметил бы. Но это ее плечи. Алена чувствует легкое давление, а от этого — покалывания в тех же местах. Он так же легко и чувственно касается черно-белых клавиш, как касается ее, и Алене становится интересно: синтезатору тоже больно, когда он так делает? Он тоже чувствует?

Ларина ничего не понимает.

— Какие голоса?

— Ну, когда поешь. Тебе слышится мой голос?

— Что? — торопливо усмехается она, готовая нервно рассмеяться. — Нет.

— Тогда какого хрена ты перестала петь? — он не боится прокричать ей это на ухо, четко проговаривая каждое слово, как для иностранца, а ей даже не громко. Ей только становится тепло в левом ухе, и хочется невольно съежиться от необъяснимой вспышки бабочек в животе. Плечи возвращается к шее и он, поджав губы с «как ты надоела» взглядом, дергает их обратно. Шумный вздох заставляет ее начать заново, иначе он разозлится.

Не в шутку и не на короткое время разозлится, а прям взбесится и пошлет отсюда к черту. Потому что время тратится, и тратится оно на Ларину, которая стоит тут и издевается. Ему кажется, что она специально.

Лариной хотелось бы, чтобы специально, чтобы можно было контролировать себя, но она не специально. Горло само как-то перестает сотрудничать с мозгами.

Доремифа

Он отходит, отпуская ее плечи так, словно не хотел. Кого мы обманываем?

Хотел убедиться в том, что она снова не будет сутулиться. Руки соскальзывают медленно. И отходит он медленно.

Со, ля

Теперь он точно выстреливает, если она почти испортила осанку, чуть-чуть сжимая кусок своей футболки у бедра, но продолжая петь последнюю «до». Остановливаться же нельзя. Тыльной стороной ладони он бьет ее по животу, и теперь Ларина официально не знает, что с ней происходит. Вроде

секунда, но в голове — замедленная съемка, где его рука — все еще там.

Предполагает, конечно, что с ней происходит. Анализирует и молчит у себя в голове.

О таких вещах с собой не говорят.

— Куда ты живот втягиваешь? Ты не на показе мод, — она выпрямляется обратно, приводя в порядок расширенные (черные) глаза от чего-то, пока он говорит. — Втягиваешь живот, втягиваешь диафрагму, и звук тоже втягиваешь, и получается то, что получается, — последнее он мычит в свои руки, которыми вытирает лицо. — Хотя ты пока животом и не поешь — выдыхает и садится в свою позу на банкетку, упирая локти в колени.

Она научилась не смотреть ему в глаза, когда он смотрит исподлобья, и научилась выглядеть глупо перед ним в любой ситуации. И молчать после его монолога тоже не вариант, но она молчит. Если подумать, она ничему еще не училась. Она ведет себя так, как есть. Прости, но оно так и есть.

День назад она боялась, что не умеет петь. И это близко к правде.

Сейчас она должна бояться сильнее, ведь Травкин ясно дал понять, что ей предстоит учиться и учиться. Проблема другая. Живот неприятно тянет. Знаете, как будто укачало. И не в машине, а точно где-то на поверхности бездонного океана. И точно без волн. Просто противно. Живот, живот, она думает о животе, положив на него руку. Неосознанно:

перед ним она бы ни за что не раскисла, не заплакала и не стала жаловаться. Это потом Насте можно мозги выносить, но не напоказ в хоровом зале.

Но тут неосознанно.

— Ларина.

А ей надо подумать прямо сейчас. Отвести взгляд, сглотнуть и подумать. Не о Травкине, конечно. *Пожалуйста, Алэн, не о Травкине.* Ты себя и так убиваешь, куда больше. Тебе даже не страшно, ты просто молчишь, посмотри на себя. Ты просто готова блевать и даже не думаешь об этом. Не спрашиваешь себя об этом. Что ты съела утром? Что ты съела минуту назад? Свои внутренности?

— Ларина, прием.

Голоса она все-таки слышит. Он прав. Но голос только один, громкий и наглый.

— Алэн.

И его голос никогда не звал ее по имени.

— Ал-е-е-е-н, — хрипло протягивает подруга, драматично хватая Алэну за плечо. Она поворачивает к Насте голову, лежа животом на кровати, как ни в чем не бывало.

— Да?

— Я спросила, как было на репетиции.

Худшее, что она может спросить.

Реснички непонимающе хлопают, будто бы Алэна не слышала. В Настиной квартире они одни, а на кухне тихо бормочит новостная программа по телевизору. Причины, по

которой бы Алена не услышала в метре сидящую Настю, — нет.

И потом Алена вспоминает, что значит слово «репетиция».

— А-а-а, — осознание догоняет, будто бы Алена не думает о репетициях ежеминутно. — Нормально было.

Она не думала ни о чем, кроме жарких следов на своих плечах. Репетиция тут не при чем.

И вообще! Охренеть, как познавательльно отвечает. Настя недовольно выгибает бровь и демонстративно смотрит в экран своего ноутбука, за которым Ларина пришла посидеть и поделаться презентацию по биологии. Ее пальцы застывают над клавиатурой.

— Я делаю презентацию, — отвечает с неуместной усмешкой Алена, прежде чем Настя что-то спросит.

— Ты уже минуту смотришь на пустой слайд.

— Ну, я думаю, что тут писать, — на ходу выдумывает Алена.

— Надумала?

— Ну, ты видишь, он пустой? Как бы нет.

— Как бы, знаешь, что я вижу, — с напрягом в голосе говорит Настя, брякнувшись животом на мягкую постель и потянувшись рукой к мышке. Алена даже понять не успевает, что надо ее остановить. Достаточно одного клика, чтобы вернуться на предыдущий слайд. — «Органы центральной нервной системы связаны с репетицией завтра в 13:45»

Алена охает, словно ее бессовестно подставляют. Подкидывают запрещенные вещества, а она тут не при чем!

— Кто? К-кто это написал? — удивляется сама себе.

Аленины руки в панике отбирают мышку и отодвигают ноутбук в свою сторону, чтобы подруга больше не могла следить за происходящем в экране. Delete, delete, delete Она никогда не прятала от Насти свои переживания, а Настя — свои, так что делать это сейчас — кажется сбоем в системе. Поводом для Насти еще раз изогнуть бровь.

Животу становится неудобно вжиматься в кровать.

— Я пойду к себе доделаю, — шумно вздыхает Алена так, что даже не слышно, что она там бормочет. Клик-клик по клавиатуре, и презентация сохраняется на флешку, которую Ларина вынимает. Сначала извлекает флешку с помощью мышки, естественно, потому что безопасность превыше всего.

— У тебя же комп лагает.

— Я доделаю, — как заевшая, старая пластинка говорит Алена, торопливо слезая с кровати.

Две тетрадки, оставленные в разных углах комнаты, Ларина торопливо забирает и бросает в рюкзак, игнорируя обеспокоенный взгляд подруги.

— Ален.

Алена готова уйти, не попрощавшись.

— Да, что? Я же говорю, я доделаю презентацию.

— Что случилось на репетиции? — а Настя знает.

Ничего не случилось, в этом и дело. Когда ничего не происходит, а у тебя начинает сводить живот, органы — поднимаются и опускаются, дыхание — спотыкается об мусор в мыслях, тогда стоит задуматься: может, что-то все-таки происходит? Может, Алена, надо успокоиться? Уроки поделаться для разнообразия?

Но получается писать какие-то стихи сопливые. Алена как обычно. Пишет свои строчки без музыки. Строчки приходят в голову, Алена их записывает и бегом показывает Насте. Так было всегда, но Сейчас хочется написать эти стихи и драматично порвать, сжечь. А еще Алене хочется долбануть ладонью себя по лбу.

Оставить ее там, поцарапать кожу. Будет причина вырастить новую: ту, которую не трогал Травкин. Будет причина выйти из дома.

— Ничего, говорю же, — слишком рассеянный взгляд. — Я-я распевалась, он играл, что-то говорил, а потом его позвал этот информатик. Что-то насчет дня школы, — слова тоже спотыкаются об мысли. Весь день сейчас катится по наклонной, потому что кто-то где-то успел споткнуться. Лишь бы понять — где. У Насти лицо не меняется: она терпеливо слушает, сидя на кровати. — И потом я ушла. Все. Как сейчас я вот ухожу. Ладно?

Настя молчит, думая, что с пониманием кивнула. Но она не кивнула. Погружение в размышление глубокое.

— Ладно. Пока, — отвечает вместо нее Алена и исчезает

из комнаты.

По состоянию школы видно, что именно не так. И дело не в одной репетиции, которая якобы меняет ее жизнь. За одну секунду или один день жизни не меняются, это миф; жизни рушатся кирпич за кирпичом, начиная с основ, с самого дна. Так, что ты не замечаешь, пока стоишь и смотришь в небо. А дно проваливается, и ты проваливаешься. Зыбучие пески проглатывают тебя, как мелкого таракана

А когда вдруг начнет тошнить — будет поздно. Ты не вспомнишь, какую дрянь ты съел утром. И вообще, тошнит ли от еды, или тошнота от еды это следствие?

У Алены тот случай, когда поздно. Когда взгляды Камиллы и Ленки не сбросить со своей спины; когда любопытство не заглушить при походе к стоматологу; когда мысли закручиваются в водовороте, набирают скорость, попадая в одну точку невозврата — в Травкина. Мысли выстреливают только в него и рикошетят, попадая в Ларину. Плохо-то ей. Сопливые стихи пишет она. Даже не знает, о чем.

О тебе, но о чем?

Она никогда не знала значение того, что пишет.

И ее сейчас это не интересует.

Ее интересуют ноты и текст, которые ей надо выучить. Это буквально все, что ей нужно сейчас.

Заходя в зал после уроков, она понимает, что это не единственная проблема. Нормально петь научат, и тексты тоже можно выучить, но Камилла

Репетиция еще не началась: все только собираются и сидят в ожидании главного на красных бархатных стульях. В том числе и Камилла Крылова. Вместе с Леной пялятся в телефон, тихо шепчутся и улыбаются. Парни начищают инструменты. Кто-то стучает по клавишам рояля, издавая ужасные звуки. Другие девочки сидят у открытого деревянного окна и делают, скорее всего, хорошие селфи при таком натуральном освещении. А Алена — как обычно. Ее судьба — стоять неподвижно в дверях и осознавать вещи.

Осознавать, что Камилла и Ленка понятия не имеют, что она поет с ними в группе. Что Травкин позволил. Что ему хоть и лень позволять, но Алена захотела. И он пошел навстречу. И теперь они молча смотрят на нее, как на постороннюю ученицу, которая ошиблась кабинетом. Они уверены, что она ошиблась, и они готовы начать кривить губы в язвительной ухмылке

Но ее пальцы сжимают бумажку с заголовком «In Flanders Fields»

Песня, которую готовит четвертый год. Она не ошиблась. Ошиблись они.

Он меня взял

— Что ты тут делаешь? — Камилла будто бы случайно подползает к ней медленными кошачьими шажочками. Ленка остается сидеть на стуле и держать телефон как-то по-пьяному, как со сломанной кистью. Ее внимание разделяется на две части, и новая часть — вошедшая в зал Алена.

Тень, появившаяся на лице Алены — это Камилла, чья спина теперь загорает на солнце. Алена переводит взгляд с окна на помеху.

— Здесь проходит репетиция.

— Но ты не в хоре, — по-доброму осаждает ее Камилла, но фальшиво усмехается, продолжая рассматривать лгунью.

— Я же говорила. Он меня взял.

Двусмысленно, ха-ха, Ален, не время думать о другом смысле фразы «он меня взял».

«Вот же маленькое противное насекомое» читается в застывшем взгляде Камиллы.

Алене не нравится находить врагов. Узнавать их в тех, к кому за четыре года в гимназии успела привыкнуть. Не делать их себе дома, не лепить из пластилина, а находить в знакомых. В коридорах гимназии. Алена не привыкла быть вещью, на которую Камилла плюет со смеющимися глазами.

Алена думает, что не заслуживает плевков. Ни тогда, ни сейчас.

— Даже если бы взял, — Камилла занижает голос и говорит как можно расслабленнее, — ты не должна быть в группе четвертого года.

— Я попросила, и он разрешил, — легкость и искренность ее речи как масло в огонь.

Все.

Камилла опять застывает и пытается дышать сквозь сомкнутые губы. Дышит спокойно. Сглатывает громко. Признавать кого-то врагом ей не выгодно, потому что у нее нет пока аргументов. Перед другими ей нечем оправдываться, когда другие узнают, что Камилла «не ладит» с Аленой. Аргументов нет. Обычные свидетели не последуют примеру Камиллы, а пустят слухи о злобе на пустом месте. Слухи быстро потекут по коридорам, и поэтому — слепую ненависть Камилла не хочет разжигать. Ее эмоции сочтут за зависть. Если уж ненавидеть, то за дело.

А пока что их неприязнь на уровне интуиции. Неприязнь Камиллы, конечно. Алена знает о ней некоторые вещи, за которые можно недолюбливать и шептаться за спиной, но там где пахнет дымом, там Алены уже нет. А избегать Камиллу можно как минимум за змеиные, ярко-зеленые глаза.

У Алены глаза тоже зеленые, но тусклые, почти серые. Как отражение жизни.

Но как Травкин мог разрешить? Он был снисходителен только с ней, с Камиллой! С Ленкой, с Аней из четвертого, с Лизой из второго, и еще другими ее лучшими подружками С

ними, с любимками! Любимкам он все позволял, прощал и не уничтожал морально. А теперь Камилле остается всматриваться в лицо Лариной и пытаться отыскать загадку. Чем Травкин заинтересовался? Не разгадку, блять, а хоть что-нибудь интересное, за что она могла бы ухватиться и свалить все на это что-то, на это «ничего особенного, Травкин просчитался».

Но в Алене подозрительно, до бешенства, до нарочного молчания, до настойчивых вопросительных взглядов на Травкина — ничего нет. Ничего. Она последняя маленькая матрешка, которая больше не открывается: посмотри, покрути и засовывай обратно.

Раздражает до покраснения в лице.

— Это классно, — интересно, у нее внутреннее кровотечение не начнется от фальши? Камилла не будет просто так делать из кого-то врага на публику, но обязательно возненавидит внутри.

— Спасибо, — ей не нравится тон Камиллы, но Алена неосознанно делает такой же.

— Будет трудно, — надеется, что она заплачет и убежит сегодня же к маме, — особенно тебе, с программой четвертого года.

— Люблю вызовы, — терпеть не может. Она от них сбегает плакаться к маме.

— Все-е-ем привет. Быстро, поднимайте ноты.

Можно не определять голос.

Можно услышать скрип двери и моментальный взгляд Крыловой в точку над головой Лариной. В зал много кто входит, но только при его появлении она удостаивается посмотреть в дверной проем.

Травкин проходит мимо нее холодным ветром и по инерции дотрагивается до плеча. Идет боком, со стороны стульев. Иначе сквозь толпу не пройдешь. Ему все равно, кто мешает пройти и кого он слегка отодвигает. Даже не взглянет, чтобы поздороваться.

А она.

А она опять думает, слишком сильно думает о плече и об ощущении его пальцев.

Она наблюдает за ним, неизменно чувствуя себя заблудшей душой. Не может быть, чтобы он вел эти репетиции три года, а она оказалась здесь только сейчас. Какие три года он здесь был всегда, лет десять точно, если заглянуть в трудовую книжку.

— Показывайте-показывайте. Выше руки, — недовольный, медлительный, громкий голос, — че какие слабенькие, — тише, себе под нос, — не завтракали?

Ларина дожидается, когда остальные начнут неловко поднимать бумажки выше, и тоже поднимает свою выше.

— А вы? — он взглядом вырывает из толпы двух девочек и одного парня. Не вырывает, а тыкает. Отталкивает. Всех отталкивает.

— Я не успела распечатать, правда, сегодня вообще день

тяж

— На выход, — кивает он, и наконец-то кладет свою черную сумку на крышку рояля. Никак не мог прийти и расслабиться. Он не слышит поспешных шагов за спиной, застывает и оборачивается. Троица стоит, дышит, надеется. Алена тоже надеется. — На выход. Я не шучу. Все трое. А дома подумайте, почему вы сюда ходите и на каком это у вас месте. Если вам хор не нужен, мне вы не нужны тем более, — спорить никто не будет, поэтому трое пингвинов уходят друг за другом, но в надежде оборачиваются. — Договорились?

Только парень находит силы кивнуть, сожрав губы, а две девки решают быстро и обиженно испариться, пряча взгляды в паркете. Алена оглядывается, когда выходит каждый. Хочет попросить остаться, но кого? Их или Травкина? В любом случае, придется обращаться к Травкину. Они втроем такие грустные, а Алена такая добрая, что за заботливый взгляд тоже получит пинок под зад.

— Значит, договорились, — бубнит он сам для себя, пока достает папки из сумки.

Он заводит порядок в хоре не часто. Но в эти нечастые разы он играет в строгого дядю, когда в голове что-то щелкнет, и он решает выкинуть за шкуру всех, кого можно. В зале умирают перешептывания и шелест нот. Теперь страшно даже дышать, вдруг ему не понравится Только Травкин позволяет себе громко кидать бумаги, топать и прочищать горло.

Он внимательно двигает синтезатор бедром и ногой к цен-

тру зала, сверля взглядом ту точку, к которой движется. Все молчат. Он, видимо, всегда его двигает от окна к центру, чтобы играть напротив хорового станка. Он делает еще пару мелочей в тишине и разворачивается случайно к детям. Случайно застывает. Две секунды — и он небрежно разводит руками.

— И что стоим?

Не дождавшись окончания предложения, все летят на свои места на хоровом станке. Ларина стоит некоторое время на месте, поджимая к себе плечи, которые все равно задевают, и думая: *вообще-то, я понятия не имею, где мне стоять.*

А еще, она слышит отрывки диалогов.

Опять не в настроении

Жена не дала

Как же заебал

Как обычно, придурок высокомерный усмехается где-то Камилла, его любимица. Алена даже оборачивается и вспоминает, что ей тоже надо куда-нибудь встать. И она встает на последнюю, самую высокую ступеньку. Подальше от всего этого.

Это как зайти в выручай-комнату в Гарри Поттере, где место только избранным. Зал для мероприятий становится именно той комнатой, которая превращается в тайную, когда начинаются репетиции. Огромные, длинные, деревянные двери закрываются, и все, что происходит внутри — дело только тех, кто там находится. Рассказывать о происходя-

щем репетициях никто не горит желанием. Это как рассказать другим о том, как ты вчера вечером сходил купить хлеба. Никому не интересно.

Пойте свои песенки и пойте.

А Алене интересно примерно все. Анализировать вещи и оставлять их у себя в голове проанализированными, таская всю жизнь с собой тяжелый мусорный пакет вместо головы — ее хобби.

Она теперь даже поет в хоре, чувствуя себя на чужой территории. Камилла, Ленка, Травкин заставляют ее чувствовать себя так. Травкин и ее неумение справляться с ним, неумение отвечать на его вопросы, выполнять то, что ему нужно. Пение, как таковое, нравится. И голоса, поющие хором, звучат по-ангельски. Особенно первый сопрано, а Алenu он поставил в группу первого сопрано, вместе с Камиллой и Леной. Травкин, видимо, ошибся, ну ничего Ее это поражает. Она невольно дергает головой, пока поет и пока поют все, чтобы посмотреть и увидеть, откуда доносятся звуки. Как круто они все звучат, запевая ее отсутствие таланта.

Красиво запевая ее голос так, что она сама себя больше не слышит. И это хорошо.

К пению она точно не талантлива, можете не спорить. Она вообще думает, что не достаточно хороша ни в чем, но когда дело доходит до хора, она может с уверенностью признаться себе, что она не Селин Дион и не Тони Брекстон, а здесь есть такие.

И они отвратительные подлизы, которые Травкину нравятся. Он любит желание и талант. А они любят его внимание и подмигивания, пока хор поет, а он бьет по клавишам. Здесь все очень запутанно, если подумать. И распутывая этот клубок, можно и самой в нем запутаться.

Алена никогда не думает, к чему приведут анализы, и продолжает изучать обстановку.

Как Травкин относится к Камилле и Ленке? По-моему, она это знает с прошлых лет, когда музыка еще была вторым уроком по расписанию в понедельник. Как бы, блин, Алену это не бесит, как бы не вводило в состояние ступора и не приводило к желанию еще больше сопротивляться — они ему нравятся. Знаете, прям нравятся. Ленка умеет улыбками отвечать на все его шуточки, а Камилла предпочитает молчать, но подлизываться в любое другое время от хора. Помогать ему с бумагами, инструментами, бегать за журналом, да что угодно а потом плевать на него с подружками. Змеи, змеи, повсюду змеи.

И Алена не должна удивляться, ведь Камилла всегда такая всемогущая. Просто тут же Травкин Травкин. Что Травкин? Чем он ее задел?

Алена ловит себя на мысли о Травкине в тридцатый раз. За неделю. За день. И это становится проблемой, почему-то. Этот Дмитрий Травкин, этот мудила, как его все называют. Придурак, психованный придурак, что Алена только не слышала — она медленно кивает, понимая, что они правы. Те-

перь она понимает. Она не будет бросаться такими оскорблениями, конечно, но было в нем немного необоснованной мудачности, бесспорно.

В нем концентрация цветов и говна на одном уровне.

Он культурный. Знаете, такой консервативный джентльмен, который придерживает учительницам двери и дарит букеты на дни рождения не особо знакомых людей.

Он талантливый, но относится он к этому таланту, как к красивой и наскучившей ему вазе в гостиной. Все гости ахают, восхищаются, а он смотрит и говорит: «Ну, и?», потому что смотрит на эту вазу каждый день.

Однажды его спросили на уроке о других навыках, и он ответил, что играет на гитаре, на пианино, чуть-чуть на скрипке, на сербских инструментах, таких как гайда (беспольный инструмент, если честно. Сербам лишь бы что-нибудь изобрести и потом помахать всему миру, мол, эй, мы что-то можем). И вообще, он мог и может много чего, но решил остановиться на пианино и дирижировании, ведь дирижирование укладывает в себе все возможные умения. Ему хотелось всего сразу, и он нашел себе это всё. И теперь он посвятил жизнь хору и его победам.

Ну, и?

Как бы он себя ни вел — его можно оправдать. Он имеет право.

Имел право выбирать только лучших, потому что с певцами «неплохими» занимают вторые и третьи места. А зачем,

если хор этой гимназии всегда первый?

— Inlanders field — очень тихо тянутся в конце последние высокие ноты сопрано. Уже шестой раз они это поют. Ларина даже опускает бумажку и начинает устало пялиться куда-то далеко, петь на автомате. В конце синтезатор затихает, и Травкин предпочитает просто упереть руки в бока и смотреть на всех. В этот шестой раз он психованно встает.

Психованно!

Это значит быстро сорваться со своего места с таким выражением лица, будто не терпится сходить в туалет.

В конце надо долго и высоко тянуть «fields», вот эту проклятую «s» в конце. Если не сосредоточить на ней внимание, то можно проглотить эту букву и получить леща от Дмитрия Владимировича.

— Ц-ц-ц-ц, — пищит он вместе со всеми, встав напротив и сомкнув два пальца в воздухе. Некоторые начинают улыбаться из-за его утрированного «ц», но, конечно, Алена начинает первой. Она пока не научилась сдерживаться и не смеяться над его приколами.

«Ц» спето четко и ровно. Остается надеяться, что он доволен. А если и нет — пошел вон, репетиция окончена.

Алену нужно постоянно толкать, серьезно. В плечо, в бок, по голове — куда угодно, потому что она часто заливается или вообще не понимает, что ей делать. К хору надо привыкнуть. Когда приходиться, когда уходить, как правильно говорить, каким тоном, где стоять кто бы мог подумать, что пение тут не

самое важное в списке важности.

Ее кто-то толкает случайно, когда спускается со станка. Тогда она лихорадочно осматривается, никого не замечает и спускается на землю вместе со всеми. Кто-то уходит, кто-то остается перетереть что-то с учителем.

Наверно, приятно иметь хорошие отношения с Травкиным.

Что значит «приятно», Ален?

Алена смотрит в последний раз, как он быстро бьет ручкой по роялю то одной стороной, то другой. Нечего тут стоять. Алена сливается с уходящей толпой. А играет он с ручкой на автомате, потому что разговаривает с длинноволосой девчонкой. Девчонка может быть кем угодно: очередной подлизой, которая поможет разнести и принести вещи в зал; может быть наглой дивой, которая просит соло на еще не скорое EverGreen; может быть той, которая просит прощения за то, что не придет на следующую репетицию. Он уважает таких. Но это не она. Она просто в том классе, где Травкин классный руководитель.

И такое бывает.

А девчонка объясняет, почему не была в школе позавчера. В самый критичный день, засранный тестами в их классе. Он кивает головой, отпускает пару шуток насчет градусника, возможно, подогретого батареей, позволяет ученице рассмеяться, покраснеть и уйти.

Ему даже как-то плевать, почему она не была в школе. Он

чей-то классный руководитель, потому что все учителя чьи-то. Разбираться с их оценками, справками, оправданиями и плохим поведением — ему нахер не случилось. Но надо. Надо разобратсья до конца, сделать вид, что ты строгий и тебе очень как важно узнать, где она была, и пригрозить больше так не делать. Фух. Честно, ему плевать.

Хотя градусник она точно подогрела.

Он сгибается над журналом своего класса и проверяет оценки. Записывает оценки каждого для завтрашнего собрания. Позы Травкин постоянно меняет: то встанет буквой Г и ляжет на крышу рояла, то выпрямится и одну ногу вытянет в сторону.

Зал давно пуст. Ему надо закончить школьные дела с максимально уставшим лицом и поджатыми губами, чтобы вернуть журнал в учительскую.

В учительской он дает пять учителю философии, который обожает давать пять.

Он спрашивает его про головные боли вчера. Травкин отвечает, что вроде бы больше не болит.

Учитель философии хлопает его по спине и уходит со своим журналом на урок.

Надежда Павловна пьет кофе, учитывая, что у нее большая пауза между уроками. Предлагает кофе Травкину, но тот быстро говорит спасибо, не надо, потому что уходит. Она улыбается, наблюдая за тем, как он надевает черную ветровку.

— Как новая квартира?

— Да нормально, — он поднимает воротник куртки.

— Все уже обустроили?

— Ну, не вот прям все, но спальню сделали, — не заду-
мываясь, отвечает Травкин, уже стоя к коллеге спиной.

— Самое важное в первую очередь, Дим, — сидит на ди-
ване, закинув ногу на ногу.

— Конечно, — с легкостью пожимает он плечами, обер-
нувшись напоследок, — я не планирую спать сидя на унита-
зе.

— Так вы и туалет уже построили? — учительницу явно
интересует личная жизнь Травкина, и вообще — ей видимо
очень скучно ждать уроки.

— Да. Сами. По кирпичикам, — подходит к двери, выдав-
ливая на прощание рабочую улыбку. — До свидания.

И вихрем уходит из этой гимназии.

На улице прохладно для ветровки, но Травкин не замеча-
ет и идет расстегнутым. Школьная парковка сегодня оказа-
лась забитой (если школьной парковкой можно считать бо-
ковые кармашки улицы, на которой находится школа и за ко-
торую надо платить — то да, это школьная парковка), и он
оставил свой фиат на параллельной улице. За эту улицу тоже
надо платить. Гимназия же в центре, а центр везде платный.

Садится за руль, пристегивается, заводит машину. Вне-
запно тянется к пассажирскому сидению, опрокидывает со-
седний козырек и оттягивает нижнюю губу перед зеркалом.

Губа потрескалась от холода. Одним грубым движением он убирает козырек обратно и выворачивает из этих маленьких и кривых улочек на нормальные дороги.

Он хочет дом. Однажды у него будет дом, он так думает. Когда ему совсем надоест всё это: дети и школа, он построит домик на ближайшей горе и будет жить там, играть, петь, давать уроки, если будет скучно.

Пока он не готов на пенсию.

Пока что ему нравится новая квартира: нравятся большие коробки, которыми забита гостиная; нравится идеально чистая кухня, которую мастера закончили только вчера; и мягкая белая кровать, на которую он может упасть лицом вниз и отрубиться. В верхней одежде.

Входная дверь пахнет новым.

— Привет, — они целуются в губы, и Елена отходит. — Как в школе?

— Ох, ужасно, — тянет он, вешая куртку и наблюдая за уходящей спиной жены обратно на кухню. — Получил два. Тебя вызывают к директору.

— М, и что же ты не выучил? — слышится женский голос на фоне шипения плиты.

— Музыку. Ненавижу этот предмет.

Где-то там раздаётся смех, а Травкин валится на диван и запрокидывает голову на спинку. Плита сливается с тишиной, и для него любой звук становится тишиной. Даже дневной свет полностью чернеет при закрытии глаз.

Лена говорит про свою работу, и по запаху Дима понимает, что она жарит кабачки.

Он клянется, что может уснуть прямо тут.

Лена все еще говорит про коллегу, которая закрыла свою клинику и которую она со времен института не любила.

— Меньше конкуренции будет, — засыпая, бормочет он.

— И не говори. У меня и так завал каждый день. Столько людей. А, эта Алена ко мне чуть ли не каждый день ходит.

Дыхание спокойное, умеренное. Глаза еле-еле открываются и смотрят в потолок. О, он знал ее настоящее имя? Не только фамилию? И вообще — сколько Ален он знает. Да парочку, уж точно, но всех остальных он забывает. Точнее, вспомнить их лица не может. Интересно. Он не замечает, что плита перестает работать, а резкий запах кабачков разнесся и по этой комнате. Тарелка стоит на журнальном столике перед ним.

Диван проваливается под весом Лены, которая сгибает ноги под себя и подпирает подбородок рукой. Кажется, смотрит. Он поворачивает голову к ней и тем самым ложится на правую щеку.

— Ларина, — совсем незаинтересованно подтверждает. Ему хочется спать, а не говорить о школе, из которой он сбежал час назад. Даже в его собственной квартире его находят, да еще кто находит...

— Она же из твоих?

Он долго и, можно сказать, зачарованно на нее смотрит,

словно говоря: «Я и не знал, что ты такая красивая», но на самом деле он думает: «Я и не знал, что ты такая проникательная. Откуда ты знаешь?». Слышала разговор когда-то там, в клинике, со второго этажа. Предположила, что она его ученица. И она права. Они вдвоем всегда правы, поэтому иногда ссорятся. Потому что оба правы и оба слишком все хорошо видят.

— Да. Четвертый год.

— В хоре?

— В хоре, — он поворачивается туловищем вперед и начинает расстегивать пуговицы на рукавах рубашки.

Елена улыбается сама себе, вспоминая что-то.

— Хорошая девочка. Хочет в медицину.

Он молчит несколько секунд, расстрчивая эти секунды на поднятие бровей.

— Правда? — но он по-прежнему не смотрит и проявляет вежливость.

— Ага. В прошлый раз спрашивала меня про инструменты, что да как. Говорит, что не знает, куда точно, но в медицину.

— Удачи ей, — Травкин сдаётся и поднимается на ноги, как старый дед, упираясь ладонями в бедра.

— Куда ты?

— Поспать, — голос удаляется в комнату.

— А обед?

— На ужине, — голос становится совсем глухим за сте-

ной, а хлопок двери и вовсе ставит точку в разговоре.

Обед на ужине Елена мотает головой, вздыхает.

Недоверчиво смотрит на две тарелки на столе и... принимается есть кабачки в одиночестве.

Ты что, влюбилась?

Я думала, если ты будешь обладать частичкой меня, То я смогу оставить остальные 2-3 части,

Но это так не работает.

— Не-е-е-е-ет, — стонет Алена и надолго закатывает глаза, вытягивая вперед руки, как будто вслепую идет на источник звука. — Он же изменяет ей. Он только что ее имя перепутал с Василисой, — она пялится некоторое время на свою презентацию, а потом многозначительно на маму. — Ты слышала. Я слышала. А его телка не слышала.

— Они показали, что она его сильно любит и ничего не замечает, — мама увлеченно смотрит на экран своего компьютера, но следит не за сериалом, а смотрит дома на «KupujemProdajem». Сериалы она всегда включает фоном, в одной из тридцати включенных вкладок, чтобы кто-нибудь болтал и убивал тишину.

Да мама Алены никогда не слушает эти сериалы. Работы всегда много. То кому-то найти дом, то продать его, то квартиру, то подешевле, то на верхушке горы Алена приходит до школы или после, занимает свободное место за компом, которое удачно оказывается свободным (ее коллега вечно где-то мотается, но только не в офисе) и занимается своими делами. Как сейчас, делает сраную презентацию, которую у На-

сти не доделала.

С Настей они говорят, и в живую, и вконтакте, и в инсте, но Алена не заваливается к ней в квартиру, а Настя не заваливается к ней. Она уважает личное пространство, которое Алена вдруг построила вокруг себя и сказала: «Так было всегда!», хоть и не совсем понимает.

Ей понимается только то, что Алена пошла в хор и обрела все проводки, которые вели ее к нормальной социальной жизни. А теперь, *как что почему* Ларина психанет и расскажет как-нибудь.

Для начала, себе бы рассказать. Для начала бы психануть, она же умеет громко орать и материться. Умеет. Хлебом не корми, дай подрамматизировать. Но она не уверена.

Не уверена, что нужно это делать сейчас. Не уверена, тонет или сама хочет доплыть до дна, коснуться, оттолкнуться и поплыть обратно. А легкие будут сильнее, чем обычно. Она ждет задыханий.

Она же поймет, когда начнет задышаться?

Презентация. Алена закрывает глаза и противно сжимает зубы.

— Василиса же была у нее на приеме. Тупизм, — она снова отворачивается от своего экрана к маме. — У нее на лице было написано: «Я спала с твоим мужем», — пародирует Алена какую-то героиню низким и ужасным голосом. — Но нет. Как же еще растянуть серию. Только тупизмом — тянет Алена и начинает клацать по клавиатуре текст, который

должна была набрать минуту назад.

— Тупизмом, да, — отстраненно отвечает мама, которая тоже погрузилась в свою работу.

— Кстати, — Алене, собственно, плевать. Ей бы поболтать. — Я знаю, куда хочу в медицине, — и откидывается на спинку большого черного стула, который ей не по размеру.

— И куда?..

— Стоматологом.

У Лариной, как у самого обычного ребенка, были эмоциональные скачки по пути взросления; как на ярмарке, когда идешь и бросаешься к каждой привлекательной сладости, а потом видишь еще ярче, еще вкуснее! И бросаешься в противоположную сторону. То космонавтом, то президентом, то писателем, архитектором, доктором и вот, уже год она говорит про медицину.

Какое интересное решение.

А еще интереснее, что повлияло на это решение?

— Походила к стоматологу и загорелась?

Именно так и было.

— Ну, я все поняла, рассчитала, осознала. Знаешь, сколько они зарабатывают?

— А у людей во рту тебе приятно будет ковыряться? — мама с легкостью отшучивается, по-прежнему занимаясь общением с клиентами в мессенджере.

— Да что там ковыряться? Сделал дырку, залепил и тебе еще заплатили, — Алена закрывает глаза, поджимает ниж-

нюю губу, пожимает плечами. — Странно, но прикольно.

— А писать стихи, песни?.. — у Жанны есть какая-то сверхъестественная способность делать две вещи одновременно, но говорит она медленно и спокойно. Аккуратно. Можно ведь и ошибиться, либо в первом деле, либо во втором.

Мама не особо замечает застывшее дыхание Алены, потому что начинает печатать быстрее и присматриваться к экрану. Она не любит носить очки, а стоило бы. Она говорит, что они ее старят, а с линзами долго возиться.

А писать стихи — не модно. Не платят. Недостаточно таланта. Хорошо жить, написывая строчки — редкость. Нужно слишком много желаний и музыки в голове, и нужно постоянно, поэтому — нет. Не надо. Насрать. Это больнее. Больнее, чем сверлить зубы. Стихи — дома, в закрытой комнате, в золотом дневнике. Золотой дневник — не жизнь, это отравляющие фантазии, в которые иногда так хочется заплывать и залечь.

И Алена уплывает. Но она не ругает себя за это.

Лишь бы другие не замечали и просто не замечали.

— Ну, я пишу. В чем проблема? И буду писать, — бубнит Алена себе под нос и не видя перед собой презентацию. В глазах плывет золотая книжка. Или дневник. Она по-разному его называет. — Одной рукой сверлить, другой писать, — вспоминает она гениальное решение и наклоняется к маме.

— И просверлишь что-нибудь не то.

— Подарю им стихи, компенсирую.

Жанна отвлекается, не удержавшись и рассмеявшись.

— Так и назовешь клинику: «Сверлить не умею, но почитайте мои стихи!».

— Все, отстань, — Алена как-то наигранно обиженно улыбается и сохраняет презентацию. Пусть недоделанную; все равно ее к понедельнику. Посылает себе на мейл, закрывает браузер, смотрится в черный экран, в телефон. — Я пошла.

— Иди.

Мама с места целует ее через воздух, и Алена делает то же самое, прежде чем выйти.

За пределами стен — другой мир. За пределами других стен — мир совсем другой. Смотря какие четыре стены, кто в них, кто за ними И куда ты после них пойдешь. Алене в школу. И знаете, как бывает, когда расстанешься со своим другом на улице и идешь в своем направлении — улыбка после прощальных объятий стирается. Губы медленно возвращают свою прежнюю форму. Никакую. Прямую и холодную.

Почему тепло не остается чуть дольше? Алена думает об этом. И сама не знает. Она тоже моментально замерзает и перестает улыбаться, взяв телефон и уткнувшись в него. Причин улыбаться же нет.

Репетиция перед уроками — не причина улыбаться. Это причина спокойного и кирпичного лица, не больше. Так что иди в школу, как ни в чем не бывало. Иди и смотри в свой

ебаный телефон, прячась вконтакте, в бесполезных переписках, потому что это легче, чем смотреть в лица.

Она листает ленту, хотя никогда ее не листает. Настя была в сети сегодня в шесть утра, а сейчас где-нибудь в тренажерке или спит после тренажерки. Диалог умер после вчерашнего дня.

Марии писать нечего, она придет на репетицию. Милена Алена бьет себя мысленно по голове, за желание написать всем подряд от скуки, когда ей всего лишь надо дойти до гимназии тридцать метров от маминого офиса.

Гимназия снаружи пустует. В кабинетах проходит последний урок первой смены. Когда заходишь в небольшой дворик через черные железные ворота, то оказываешься внутри буквы «П». Справа, слева — можно заглянуть в окна и увидеть торчащие головы. Впереди — окна, в которых видно коридоры первого и второго этажа. То есть, не видно, там же белые занавески. Алене хватает две секунды, чтобы все по привычке оглядеть и зайти внутрь. По лестнице, по красной лестнице, и затормозить перед залом.

Травкин где-то поблизости? Его ждать перед дверями, как хозяина? Сходить в учительскую? Или он в зале?

Ноги медлят, но несут ее к залу. К счастью, старая деревянная дверь не скрипит. Да и все равно. Огромный зал пустой. Обстановка привычная. На рояле — валяются ноты, ручки черная сумка. Пахнет его присутствием. Травкин где-то поблизости. Голова сама собой оборачивается, словно он

должен был стоять за спиной, чтобы испугать и поржать, когда она испугается. Идиотка, зачем ему это делать? Ларина вздыхает и заходит внутрь, убедившись, что дверь осталась открытой.

В абсолютно пустом зале она никогда не находилась.

И если чувство чужака душит ее в переполненном помещении, то отсутствие тел и взглядов ее совсем сдавливает и вызывает звон в ушах. Если собирается куча народу и она, потерявшаяся ненужная иголка в куче — ей явно здесь не рады. Если никого нет — значит тебе здесь точно нечего делать.

Она же даже стоять не умеет правильно. Не умеет быть решительной. Не умеет брать телефон в руки, потому что тут — нельзя. Тут святое место. А если Травкин? Если он увидит, что она в телефоне?

И что тогда? Он тебя веником из хора выгонит? Что за бред

Он увидит, что она как все. А ей не хочется.

Пусть так и есть, но ей не хочется. Перед ним она усирается и старается быть совершенно оригинальным произведением не искусства, эх, идиотизма. Зато оригинальным. Надо бы перестать так сильно стараться и бояться. Он же не кусается. Он же просто учитель.

Рюкзак Ларина оставляет на стуле в первом ряду. Оборачивается. За открытой дверью — пустой коридор. Ладно. Открытое окно ее привлекает. Постояв там, она еще раз обо-

рачивается. С каждой секундой ей все сильнее хочется уйти.

С каждой секундой ее кто-то подгоняет. С каждой секундой отсутствие всех и присутствие только ее — сдавливает виски.

Или она совсем двинулась мозгами.

Теперь рояль ее привлекает.

Рояль, на котором она не умеет играть. Она ни на одном инструменте не умеет, но так много раз сидела на концертах и так много раз касалась клавиш и струн, как чего-то хрустального и особенного, что как будто умеет.

Кончики пальцев ведут по поверхности пыльной, закрытой крышки, не оставляя следа. Взгляд так же скользит по нотам, но ничего не понимает. Ни чьи это ноты, ни для кого и когда С глубоким вздохом Ларина приземляется на банкетку и выпрямляет спину, прислушиваясь к тишине. Травкин опаздывает, но это его дело. Имеет право.

Лучше бы не приходил, залетает мысль в голову, как зараза, и Алена больше не обращает внимание на эти мысли. Непонятные, необоснованные, необоснованные!

Конечно, у всех есть одна и та же причина, по которой никто не жаждет его появления. Это же Травкин! Да нахер его!

Но у Лариной это не та причина, по которой другие глаза на него закатывают.

Хочу петь и не хочу петь.

Нравится внимание Камиллы и не нравится.

Хочу видеть Травкина и не Нет, точно не хочет.

Тишина привыкает к дыханию Алены. Она незаинтересованно, со скрипом открывает крышку, смотрит на все эти клавиши и разворачивается к ним передом. Смотрит на них устало, как на китайскую азбуку. Травкин касался всех клавиш? И была ли одна, которой он никогда не касался. На какую он жмет чаще всего? И как выглядят его пальцы вблизи? Никчемные мысли плывут, как трупы по спокойной реке, и Алена не обращает внимания. Касается указательным пальцем случайной клавиши, и раздается высокий продолжительный звук: Ларина закрывает глаза и пытается считать секунды. Следующая клавиша рядом столько же секунд.

Она пробует нажать на черную. Потом на белую слева. И на черную. Видит разницу в звучании, сама для себя приподнимает брови и пробует еще раз. А потом, как гром в ясную погоду, в голову ударяет знакомая мелодия.

Она все-таки умеет играть. Кое-что. В начальной школе, кажется, в классе пятом, они учили Jingle Bells на металлофоне. Как же там Первая ми Нет, два раза ми, ми, потом ре. Пусть Алена и понятия не имеет, где тут начальная «до», она помнит расположение клавиш.

Ударяя по клавишам, звук получается не на сто процентов правильным и чистым, но мелодичным. Вспомнила! Ларина не замечает свою победную улыбку на лице. Чем дальше играет, тем шире она становится.

— Выпрямись, я умоляю тебя, — недовольно и брезгли-

во тянется его голос по залу, и Алена тут же вздрагивает и убирает руки от клавиш, будто бы они горячие, а на дверях висела табличка «Травкин отрубит руки, если тронете его инструменты». Рояль не его, а школы. Но оно всегда стоит здесь и за ним всегда сидит он, так что Правила ясны. Алена все равно шугается. Он только выворачивает из коридора в зал, а глаза уже текут кровью от жуткого зрелища: неровная осанка

Что бы он не сделал, Алена, скорее всего, подпрыгнет и умрет внутри. Столько лет молчания (всего три года) и проглатываний мыслей, на языке, в глазах, чтобы все в один момент потерять прослушиванием в его, его! Хор Все старания напрасны.

И конечно, она выпрямляется не сразу.

Сначала нужно осознать, что он вошел в зал и идет прямо к заветному роялю; что на нем его любимая светло-розовая рубашка, и что да, он сказал выпрямиться.

Его (ее) любимая рубашка. Откуда ей знать его любимые рубашки?

Она выпрямляется. Она помнит, как он заставил сделать это в прошлый раз, потянув назад плечи. *Какого хера ты не поешь, Ларина?* Больно. У его голоса такой же пронзительный эффект для позвоночника.

— Здравствуйте, я не хотела, если что, — кое-как поднимается Ларина на ноги и начинает нервно растирать ладони, — я вообще не играю, не умею играть

— Сядь, — он не доходит до рояля и бросает свою папку на него на ходу, издалека. Профессионально. Как электричеством бьет его интонация в полной тишине. Зачем? Ларина думает, зачем ей садиться, и тратит время на размышление. — Сядь, — растягивает он фразу раздраженно и лениво, потому что приходится повториться.

Его вечное недовольное лицо и приподнятые брови, в ожидании исполнения приказа. Долго у них будут продолжаться такие отношения? Какие отношения? Которые у него со всеми учениками? Лечись, Ларина.

Ей не очень хочется садиться и быть ниже него в два раза, но она быстро возвращает свой зад обратно на банкетку и пытается не поворачивать к нему голову, а коситься.

Что он вечно пристаёт? Что ему вечно надо от Лариной?

— Мало выпрямила.

— Я не могу больше.

— Можешь.

— Если больше, то спина болит, — отвечает Ларина с поднятым подбородком и взглядом вперед. Продолжительный выдох. Лопатки жутко болят вместе с плечами, если долго сидеть в правильной позе.

Дмитрий Владимирович укладывает локти на поверхность рояля, оказывается в поле зрения, и Ларина переводит взгляд к нему. Он слышит биение сердца у нее в животе?

— А знаешь, почему спина болит? — начинает он издевательски, но с учительской заботой. Господи, эта его непо-

нятная смесь неизвестных ингредиентов в поведении сводит с ума. — Потому что ты всю жизнь ходишь, как знак вопроса. Надо думать об этом. Не только, когда поешь. В старости твоя спина тебе «спасибо» не скажет, — он отлепляется рояля, делает медленные шаги к банкетке, помещает руки в карманы и останавливается. Ларина уже наклоняется в сторону, подальше от него. — Брысь отсюда.

И она с радостью подскакивает, Травкин садится, обходит уже тикающую бомбу по кругу и встает где-то рядом, оборачивается. Неловкость у нее течет в крови. Что, блин, делать? Если что-то не то сделаешь, он же повысит свой ленивый и пьяненький голос, и Алена затупит на пару минут и пустит корни в паркет.

Она хочет, чтобы он не повышал на нее голос.

Но об этом мечтают все. И не повышает он только на любимчиков. Камилла шепчет ей мозг, и она закрывает глаза, успокаиваясь. Надо послать ее к херам, пожалуйста.

Травкин увлеченно играет какой-то красивый бред на клавишах. Алена вертит языком во рту, начинает в открытую пялиться, потому что никаких указаний он не давал, и говорит себе *красивыйкрасивыйкрасивыйкрасивыйкрасивый*. Какие черты лица, какие непонятные взъерошенные черные волосы. Какие губы, которые видно только тогда, когда он молча играет. Какой все, что с ним связано.

Алена рассматривает его серьезным взглядом, со слегка сдвинутыми бровями. Она раскладывает информацию по

полочкам и не пускает слюни. Их нечего пускать, он ведь всего лишь красивый. Этого недостаточно.

А внутри, что внутри! Паскуда талантливая.

Красивая талантливая паскуда.

В уши пробиваются знакомые ноты. Ларина меняется во взгляде и сдвигает брови еще больше. Травкин в наглуую играет Jingle Bells, которую расслышал в коридоре. Намного быстрее и профессиональнее Алены, яшень пень, но какого

— Я играл это однажды на утреннике. Мне было шесть лет.

Он продолжает играть, а Алена начинает улыбаться. Как уже улыбалась пять минут назад, когда сама играла дурацкую песню.

— И Вы до сих пор помните ноты? — восхищается она, не сводит взгляда.

— Я ни одни ноты не забываю, — а он даже не смотрит и следит за пальцами. — Один раз сыграешь и все. Даже если в голове не откладывается, то руки помнят.

— Я играла это тысячу раз в начальной школе и не помню, — вспоминает Ларина, рисуя картинку двенадцатилетней себя за партой с металлофоном. Музыка останавливается в ее голове. В ее ушах. В зале.

Травкин останавливается. Продолжает сидеть и разбирать бумаги, которые кинул на рояль.

— Позанимайся музыкой двадцать лет и вспомнишь.

Двадцать лет! Да он действительно сумасшедший в свои

тридцать с чем-то. Люди, увлеченные работой с головой, всегда привлекают Ларину, потому что она сама захлебывается в своей писанине. Тут же дергает уголком рта. Пора бы ответить на вопрос, который она засунула в дальний ящик: почему Травкин? Что в нем? Он увлечен. Пленен, заражен любимым делом, и это пленяет и заражает Ларину.

Ах, эти гении, влюбленные в себя и в то, что делают.

Я тоже по этой теме, Дмитрий Владимирович, но, сказав Вам это, я Вам понравлюсь нечестным способом. А все, что я хочу — честности.

— Давай распевку.

Ларина на автомате начинает его доремифасолясидо и даже не смотрит на него, что странно, потому что она всегда пользуется моментом. У нее в голове незаконченный разговор с самой собой.

Я же понравлюсь Вам, говорит она убито стене и опускает взгляд ниже, Вы же любите всех, кто любит творчество и любит Вас особенно, Ларина слабо повторяет его жест и кладет себе руку на живот, это нечестная симпатия. Я не хочу играть с Вами в игры, в улыбки, в безобидные и обидные шутки.

Ля-ля-ля, его пальцы долбят по следующей октаве. Выстрелы, к которым Алена привыкает и держит тошноту в горле. Рукой держит живот и чувствует там выстрелы.

Осталось представить, каково бы это было. Быть любимкой.

Умерла бы. Умерла.

Ну, и без этого каждый день смертный час.

— Ладно. Ложись. Времени нет.

Ладно. Что?

Музыки нет. Травкина за пианино нет. Оживленных ту-
пых комариков в голове — нет. Убил? Это Рай?

— Бери книгу, положи на грудь и все то же самое, — в ее
руках оказывается книга. Тут нет поблизости книг! Это его?
Откуда он ее взял? Краем глаза Ларина замечает название:
«Музыка, 3 класс». Ясно. Понятно. Чего?

— Куда ложиться? — сглатывает она и старается произ-
нести вопрос уверенно, будто бы они каждую репетицию по-
добным занимались, только места меняли. Вот и вопрос. Ку-
да теперь?

На рояль?

— На пол.

— Ладно.

Да какой ладно

Алена пытается лечь где-нибудь подальше, но и не слиш-
ком далеко, чтобы он не думал, почему так далеко. Двигает-
ся так, словно добровольно участвует в позорном розыгры-
ше. Сейчас он скажет, что она дура и прикажет вставать.

— Книга должна не двигаться. Будет двигаться — полу-
чишь подзатыльник.

— Ладно.

Ладно, ужас. В прошлом году если бы какая-нибудь гадал-

ка на улице ей предвидела данную картину, она бы сильно охренела, усмехнулась и убежала.

Прибежала. Молодец. Сказала, что хор скучный. Ну, че как, Ларина? Весело?!

Так она и поет, а он топает ногами и шикает.

— Ты не поешь животом! Пой животом.

— Я пою.

— У тебя книжка поет, — он не выдерживает и опять поднимается с банкетки. Откуда в нем столько желаний и голосовых связок? Ларина начинает ерзать, потому что лежать на полу и смотреть в потолок, пока Травкин что-то там ждет от тебя — неловко. — А должна диафрагма.

Если можно кивнуть лежа, то именно это Алена и делает, смотря прямо в потолок, а не на Дмитрия Владимировича, который садится на корточки и смотрит: на куст, который растет не правильно. А-а-а-а-а, дебилизм! *Закопай меня, раз уже встал тут!*

— Давай сейчас.

— Без Вас? — без клавиш, то есть.

— Без меня, — мягко и с широкой улыбкой. Как будто шизофренику объясняет.

Немного подумав о том, всегда ли у него была загорелая кожа и когда он успел загореть, на каком море и с кем он там был, Ларина опять начинает издавать звуки.

Его брови с каждой секундой все больше и больше сдвигаются.

— Да расслабься ты. Расслабь плечи, шею, ну, — прерывает он ее грубым тоном, пока ходит вокруг с руками в карманах. — Только в этом проблема. Поешь вся зажатая, — он застывает, чтобы изобразить Ларину и скривить лицо, — Нервничаешь. Каждый раз одно и то же. Ты что, влюбилась в меня? Давай сначала.

А сначала уже никак.

Сначала — это значит не попасть в гимназию вообще, чтобы не влюбиться. Но где же наша машина времени, чтобы начать сначала?

Подавиться лежа она не рискнет. Однажды Алена так пила, лежа перед ноутбуком, и вода потекла не в то горло. Вся кровать и весь ноутбук были мокрые, пока она прокашливалась.

Самое гадское, что он шутит между делом. Язвит. Это же несерьезный вопрос. Риторический. Травкин не серьезно. Он не может быть серьезен. Будь он серьезен, после вопроса он бы заткнулся и многозначительно посмотрел на Ларину. И начался бы тупой русский сериал, который сегодня Алена осуждала вместе с мамой.

Травкин продолжает ее дальше поливать, критиковать, жестикулировать, показывать, куда тянуть живот, где опора — Алена привыкает. Странно, но привыкает. Все остальное — не так больно уже. И не так громко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.